

Ариф АЛИЕВ
Степан ГРИГОРЯН
Расим МУСАБЕКОВ
Борис НАВАСАРДЯН

**КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ:
ПОНЯТЬ ДРУГ ДРУГА**

ЕРЕВАН
“ВЭЛАС ПРИНТ” ООО
2006

УДК 325
ББК 66.3 (2Ар)
К - 210

К - 210 **КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ:
ПОНЯТЬ ДРУГ ДРУГА / Ариф АЛИЕВ,
Степан ГРИГОРЯН, Расим МУСАБЕКОВ,
Борис НАВАСАРДЯН .-Ер. "ВЭЛАС ПРИНТ",
2006 - 300 стр.**

ББК 66.3 (2Ар)

**Ариф АЛИЕВ
Степан ГРИГОРЯН
Расим МУСАБЕКОВ
Борис НАВАСАРДЯН**

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ: ПОНЯТЬ ДРУГ ДРУГА

Редактор - Элина Погосбекян
Дизайнер - Нара Менделян

Издание этой книги осуществлено при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта. Четыре автора - два политолога и два журналиста, двое из них азербайджанцы и двое армяне, попытались посмотреть на карабахский конфликт и армяно-азербайджанские отношения под разными углами и найти те точки соприкосновения своих позиций, на которых могло бы строиться взаимопонимание и урегулирование проблемы.

Авторы надеются, что мнения и предложения, высказанные в книге, позволят открыть новые возможности для конструктивного диалога сторон.

ISBN 99941-970-3-7

© Ереванский пресс-клуб, 2



Ереванский пресс-клуб

**FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG**

Фонд им. Фридриха Эберта

СОДЕРЖАНИЕ

ГЮНТЕР ФИХТНЕР	
Предисловие	7
ВВЕДЕНИЕ	9
СТЕПАН ГРИГОРЯН	
“Возобновление боевых действий - катастрофа для Армении и Азербайджана”	19
РАСИМ МУСАБЕКОВ	
“Когда плохо соседу, это не означает, что хорошо будет тебе”	59
АРИФ АЛИЕВ	
Старая песня о главном	95
БОРИС НАВАСАРДЯН	
Полигон для вражды или общая проблема?	108

В 2006 Ильхам Алиев и Роберт Кочарян неоднократно встречались, чтобы обсудить нагорно-карабахский конфликт, однако сторонам не удалось достичь реальных результатов и положить конец вражде.

Однако к чему бы ни пришли президенты двух стран, им придется представить соглашение и получить одобрение у обществ Армении и Азербайджана. Для обоих обществ проблема Карабаха крайне болезненная, и это обстоятельство следует учитывать, если стороны хотят достичь компромисса и преодолеть существующие проблемы.

Не менее важно, чтобы представители гражданского общества Армении и Азербайджана вступили в диалог и попытались заложить основы для взаимопонимания в данном насущном вопросе.

В этом смысле Фонд им. Фридриха Эберта поздравляет Ереванский и Бакинский пресс-клубы с публикацией книги “КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ: ПОНЯТЬ ДРУГ ДРУГА”. Без всяких сомнений, эта книга поможет обществам и Армении, и Азербайджана быть более информированными. Надеемся также, что в конечном счете она внесет свой вклад в решение конфликта, в понимание и принятие этого решения со стороны общественности, и таким образом окажет содействие установлению мира и стабильности в регионе.

Гюнтер ФИХТНЕР

*Фонд им. Фридриха Эберта
Руководитель Координационного
Южнокавказского Офиса*

По традиции надежды как армянской и азербайджанской, так и международной общественности на урегулирование карабахского конфликта связываются с периодами внутривнутриполитического штиля. Все справедливо полагают, что в ходе избирательных кампаний, ожесточенной борьбы за власть, когда политические элиты в обеих странах, равно как и в непризнанной Нагорно-Карабахской Республике, делают упор на популистские лозунги, стремятся показать согражданам, сколь они непреклонны в отстаивании национальных интересов, на проявления компромиссности сторон рассчитывать не приходится.

И так уж сложилось, что все годы после подписания соглашения о режиме прекращения огня в мае 1994 были насыщены политическими коллизиями: выборы и общенациональные референдумы, отставка или тяжелая болезнь президентов, мнимые или действительные попытки переворотов, теракт в парламенте... У наших лидеров и международных посредников ни разу не было передышки, позволившей бы по-настоящему сосредоточиться (разумеется, при наличии желания) на главном препятствии для развития двух стран и региона в целом.

Именно таким тайм-аутом для многих представлялся 2006. При всей неоднозначности избирательных кампаний и референдума по Конституции РА, имевших место в 2005, можно констатировать, что ситуация в Баку, Ереване и Степанакерте более-менее утряслась и появилось, как отмечалось в ряде заявлений, “окно” для работы над урегулированием карабахского кризиса. Тем более, что за прошедшие полтора десятка лет и стороны успели прощупать позиции, границы компромиссов друг друга, и посредники настолько хорошо изучили разнообразные аспекты конфликта, завязанные на нем многочисленные интересы, аргументы азербайджанцев и армян, что вряд

ли стали бы предлагать заведомо неприемлемые модели урегулирования.

Сопредседатели Минской группы - прежде всего, американцы Стивен Манн и сменивший его в середине 2006 Мэтью Брайза - в большей части своих высказываний выглядели чрезвычайно оптимистичными. Перед встречами армянского и азербайджанского президентов в Рамбуйе, затем в Бухаресте по высказываниям посредников можно было предположить, что рамочное соглашение вот-вот будет подписано. Этого не произошло. Сопредседатели сделали довольно жесткое заявление о том, что не видят смысла в дальнейшей "челночной" дипломатии, но уже спустя несколько дней выразили готовность продолжить усилия. От участников переговорного процесса исходили не совсем ясные ожидания накануне встречи "большой восьмерки" в Санкт-Петербурге. Как оказалось, и они были тщетными.

Наблюдатели, большинство из которых не верило в возможность соглашения, все это время терялись в догадках, на чем основывается оптимизм сопредседателей? Может, им известно нечто, о чем больше никто не ведает? Эксперты Международной кризисной группы в августе-сентябре неоднократно высказывали опасения о возможности новой войны. Но вопреки этому, а также осенним заявлениям из Баку и Еревана, свидетельствовавшим о том, что стороны столь же далеки от компромисса, сколь и до появления нового рамочного плана, Мэтью Брайза вновь заговорил о перспективах его подписания в конце 2006 - начале 2007. В обращение была введена свежая версия: якобы, выборы соглашению не помеха, и оно может быть достигнуто и в 2007. Но ее опроверг президент РА, дав понять, что переговорный процесс в период парламентских и, скорее всего, президентских выборов, вряд ли приведет к соглашению. Иными словами, "окно", о котором столько говорили посредники, захлопнулось...

Чтобы разобраться в запутанной ситуации, иногда полезно вернуться назад, к ее началу, когда "окно" только открывалось. В этой книге сделана попытка сверить, с какими мыслями, представлениями подошли к 2006 люди, которые профессионально занимаются проблемой, к мнению которых прислушивается общественность их стран. Все разделы этой книги были написаны в течение 2005. Возможно, они были бы неоднократно пересмотрены в последующие месяцы. Но их ценность именно в том, что они не подвержены суетности, конъюнктуре 2006. Сопоставимы ли подходы Степана Григоряна и Расима Мусабекова, есть ли в них элементы согласия? Сравнение двух позиций может служить своеобразным индикатором реалистичности надежд и перспектив, связанных с урегулированием карабахского конфликта.

Журналисты Ариф Алиев и Борис Навасардян подготовили для экспертов десять вопросов, а затем прокомментировали полученные ответы как с точки зрения близости их подходов, так и сквозь призму собственного видения проблемы, отношения к ней армянской и азербайджанской общественности, взглядов со стороны. Соответственно книгу составляют два интервью и два комментария.

Григоряну и Мусабекову были адресованы следующие вопросы:

1. Кому был нужен карабахский конфликт, и кто в его результате выиграл? Была ли альтернатива эскалации конфликта, и в чем она заключалась на разных его стадиях? Насколько внутривосточные факторы сказываются на процессе урегулирования?

2. В чем заключаются конкретные противоречия сторон? Являются ли культура и история факторами, разъединяющими или объединяющими армянский и азербайджанский народы? Почему Азербайджан не соглашается на независимость НК, а карабахские армяне и Армения не счи-

тают возможным пребывание его в составе Азербайджана?

3. Каковы ресурсы мирного урегулирования, что мешает их задействованию, и какие гарантии нужны сторонам для совершения первых шагов навстречу друг другу? Есть ли различия в представлениях “посвященных” и простых людей о возможностях решения конфликта на нынешнем этапе? Может ли “гражданская дипломатия” способствовать продвижению мира в регионе?

4. Что порождает опасения и фобии сторон и чем подпитывается формирование образа врага? Какую роль в конфликте играют СМИ, и возможно ли добиться снижения уровня конфронтационности в общественном мнении до достижения политических соглашений?

5. Какова должна быть логика урегулирования: от безопасности к сотрудничеству или от сотрудничества к безопасности? Что может дать сторонам возобновление транспортного и экономического сотрудничества, и какие они несут потери от их отсутствия?

6. Кто выиграет в случае, если конфликт не будет решен в обозримом будущем? Какими последствиями угрожает возобновление полномасштабных военных действий?

7. В результате чего может быть найдено решение: интенсивных двусторонних переговоров, посреднических усилий международной общественности, давления великих держав? Как может повлиять на переговорный процесс подключение к нему представителей Нагорного Карабаха?

8. Насколько процесс карабахского урегулирования может быть вписан в контекст формирования новой системы региональной безопасности на Южном Кавказе? Какова в этом перспективная роль НАТО, а также российской и турецкого факторов?

9. Как потенциал европейской интеграции может повлиять на отношения между Арменией и Азербайджаном?

10. Какой из выработанных за последние 15 лет вариантов решения карабахского конфликта представляется

вам наиболее реалистичным? Можете ли вы сформулировать свою модель, приемлемую сегодня для сторон, или хотя бы основные принципы, на которых должно строиться урегулирование?

В ответах азербайджанского и армянского экспертов обнаружилась общность взглядов на целый ряд проблем. Оба возлагают ответственность за перерастание карабахской проблемы в вооруженное противостояние на центральные власти СССР и осуществляемый ими принцип “разделяй и властвуй”. А конфликт как таковой был во многом обусловлен национальной политикой СССР. Вину за происшедшее разделяет, по мнению Григоряна и Мусабекова, также коррумпированное руководство двух советских республик. Именно в этих факторах, а не в истории или культуре народов следует искать корни конфликта. Оба эксперта полагают, что уже после перехода конфликта в военную фазу и позже, после заключения соглашения о прекращении огня, стороны неоднократно были близки к миру. Их мнения не совсем совпадают относительно того, в каких конкретно ситуациях можно было достичь урегулирования, либо избежать дальнейшей эскалации. Но они единодушны в характеристике событий 1997-1998, оценивая отставку первого президента РА Левона Тер-Петросяна как упущенный реальный шанс договориться. Разработанный в тот период поэтапный план, либо его обновленная версия и сейчас рассматриваются как Григоряном, так и Мусабековым в качестве наиболее перспективной модели урегулирования. Обоими подчеркивается неизбежность двусторонних компромиссов, при этом предлагаются и такие, на которые не соглашаются официальные стороны переговоров.

Эксперты не видят альтернативы мирному урегулированию, считая, что война губительна для региона. Они

не сомневаются, что от неурегулированности конфликта постоянно теряют как Армения, так и Азербайджан, и не соглашаются с суждениями, что фактор времени благоприятствует той или иной стороне. И Степан Григорян, и Расим Мусабеков признают большую зависимость успеха переговоров от посреднических усилий и внешних факторов, хотя несколько расходятся в определении векторов международной политики. Оба высоко оценивают потенциальную роль Европейского Союза и НАТО, приводя примеры того, как эти региональные структуры способствуют преодолению кризисов или, по меньшей мере, их удержанию в рамках цивилизованных процессов. Анализируя поведение руководства РА и АР в карабахском вопросе, эксперты приходят к выводу, что недемократичность обоих государств является препятствием для нахождения решений, а “эксплуатация напряженности” со стороны политиков остается одним из главных рецептов достижения и удержания власти. Народная дипломатия, а также армянское и азербайджанское экспертные сообщества рассматриваются в ответах интервьюируемых как важный внутренний ресурс урегулирования.

Как видим, в позициях Расима Мусабекова и Степана Григоряна немало точек соприкосновения по принципиальным вопросам. В то же время в комментариях Арифа Алиева и Бориса Навасардяна обнаруживаются как расхождения во взглядах с экспертами и друг с другом, так и новые элементы согласия. В частности, по мнению журналистов, конфликт не мог иметь решения в контексте тех международных реалий, которые сопровождали постсоветское развитие Армении, Азербайджана и южнокавказского региона в целом. По их мнению, для преодоления разрушительной инерции обеим сторонам необходимы новые политические ресурсы и подходы. Кроме того, журналисты более скептически, чем эксперты, отнеслись к роли народной дипломатии.

Важно отметить, что соавторы книги являются участниками многих инициатив Бакинского и Ереванского пресс-клубов и их партнеров. Высказываясь по тем или иным вопросам, они опираются на обсуждения и исследования, проведенные в рамках этих инициатив.

Совместные проекты двух пресс-клубов стали по сути первыми прецедентами прямого (без международного “посредничества”) взаимодействия журналистских организаций Армении и Азербайджана. На начальном этапе партнеры старались избегать острых углов и с участием коллег из Грузии обсуждали общие для всех проблемы журналистской профессии, свободы слова и доступа к информации, законодательства в области СМИ и др. Через некоторое время установившаяся атмосфера доверия и терпимости позволила затрагивать и более чувствительные темы - роль СМИ в конфликтах, освещение в прессе двух стран карабахской проблемы. В региональные инициативы ЕПК и БПК стали вовлекаться не только журналисты, но и представители неправительственных организаций, экспертного сообщества, политики. Это позволило расширить круг обсуждаемых тем, рассматривать весь комплекс проблем, связанных с урегулированием конфликтов и региональной интеграцией.

На каком-то этапе непосредственными участниками совместных проектов стали журналисты, представители гражданского общества Нагорного Карабаха. В качестве партнера БПК и ЕПК выступал Степанакертский пресс-клуб. И вообще в некотором смысле весь процесс развития сотрудничества армянских и азербайджанских партнеров представлял из себя изобретение новых форм и преодоление табу - внутренних и внешних запретов, мешающих углублению диалога и решению проблем. Весьма продуктивным оказался новаторский формат Азербайджан-Армения-Турция, инициированный Ереванским и Бакинским пресс-клубами. Он позволил журналистам трех стран посмотреть на проблемы региона и

взаимоотношения внутри этого треугольника в широком геополитическом контексте. Этой же цели служили поездки и следовавшие за ними публикации, телефильмы о межэтнических конфликтах в других регионах. Совместные армяно-азербайджанские журналистские “десанты” высаживались в рамках проектов двух пресс-клубов в Северной Ирландии, на Кипре, в Израиле и Македонии.

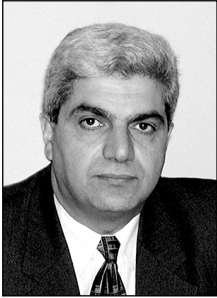
От дискуссий и ознакомительных визитов партнеры перешли к исследованиям и совместным информационным продуктам. Проводились мониторинг и контент-анализ СМИ Азербайджана, Армении, Грузии и Турции, социологические исследования с использованием разных методологий: опросы со стандартной выборкой, углубленные интервью с экспертами, фокус-группы, метод Дельфи. Отдельно исследовались пресса и общественное мнение в Нагорном Карабахе. Своеобразной летописью СМИ Южного Кавказа стал сборник, подготовленный медиа-экспертами, входившими в Международную Ассоциацию журналистов “Южный Кавказ”, в числе учредителей которой были Ереванский и Бакинский пресс-клубы. В сборнике нашли отражение история, законодательство, состояние рынка СМИ как Азербайджана, Армении и Грузии, так и непризнанных республик региона - Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Одновременное вступление Армении и Азербайджана в Совет Европы (несколько ранее членом этой структуры стала Грузия) побудило партнеров провести сравнительный анализ ситуации со свободой слова и информации, медиа-законодательства трех стран, а также разработать рекомендации по синхронизации реформ в этой области.

В рамках проектов БПК и ЕПК издавались и другие книги и брошюры, создавались Интернет-сайты, распространялись совместные периодические печатные и электронные бюллетени, посвященные региональным проблемам. Производились документальные фильмы, в

которых отражены различные аспекты взаимоотношений стран и народов Южного Кавказа, телевизионные ток-шоу с участием политиков, экспертов и представителей НПО Армении, Азербайджана и Грузии.

Осложнения с прямыми контактами, взаимными визитами журналистов и активистов гражданского сектора Азербайджана и Армении, возникшие в 2000-2001, вынудили партнеров искать новые эффективные формы общения. Решение проблемы было найдено в спутниковых телемостах, позволивших проводить конференции, обсуждения, участники которых встречались с коллегами, не покидая свои города. Чтобы помочь журналистам получать информацию о соседней стране из первых рук, БПК и ЕПК инициировали “виртуальные” пресс-конференции - армянские журналисты из студии в Ереване задавали вопросы азербайджанским политикам, находившимся в студии в Баку, и наоборот. Представители СМИ получили возможность в течение часа расспрашивать находившихся на другом конце телемоста парламентариев Вазгена Манукяна, Асима Моллазаде и Шаварша Кочаряна, государственных и общественных деятелей Новруза Мамедова, Рубена Шугаряна и Эльдара Намазова, других влиятельных фигур Армении и Азербайджана.

Книга “Карабахский конфликт: понять друг друга”, появлением которой мы обязаны немецкому Фонду им. Фридриха Эберта, во многом опирается на знания и опыт, накопленные в ходе осуществления перечисленных выше проектов. И в то время, как она предлагается на суд общественности, Бакинский и Ереванский пресс-клубы осуществляют и планируют новые инициативы. Каждая из них, надеемся, помогает распутыванию сложного клубка проблем нашего региона.



СТЕПАН ГРИГОРЯН

Родился 24 сентября 1953. В 1975 окончил с отличием факультет физики Тбилисского Государственного университета. В 1975-1983 был аспирантом Ереванского Физического Института, в 1983 защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. Опубликовал более 30 научных работ в области физики высоких энергий и элементарных частиц. В 1990-1995 был депутатом Верховного Совета Республики Армения, членом постоянной парламентской Комиссии по правам человека. В 1995-1998 - Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Республики Армения в Российской Федерации. В 1996-1999 являлся Полномочным представителем Республики Армения в Договоре о коллективной безопасности Содружества Независимых Государств. В 1998-2000 был советником министра иностранных дел Республики Армения.

С 1999 - член совета Центра развития демократии и гражданского общества "Армаг". С 2002 - председатель правления Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству. Автор около 120 публикаций по проблемам разрешения конфликтов, региональной безопасности, сотрудничеству на Южном Кавказе, процессам глобализации, развитию гражданского общества и правам человека, взаимодействию Армении с НАТО, ЕС, ОБСЕ, СЕ и др.

"ВОЗОБНОВЛЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ - КАТАСТРОФА ДЛЯ АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА"

1. Кому был нужен карабахский конфликт, и кто в его результате выиграл? Была ли альтернатива эскалации конфликта, и в чем она заключалась на разных его стадиях? Насколько внутривнутриполитические факторы сказываются на процессе урегулирования?

Для ответа на эти вопросы важно представить соотношение между "объективными" и "субъективными" причинами возникновения конфликта. Карабахская проблема возникла не на пустом месте. Здесь свою серьезную роль сыграли и исторические факторы. При всем различии в интерпретации событий и реалий азербайджанскими и армянскими историками не отрицается существование карабахской проблемы, как минимум, с начала XX века. Проводимая в СССР национальная политика обострила межэтнические отношения на многих окраинах этой империи. Фактически, это была политика замалчивания и силового решения проблем, сокрытия от граждан страны реального положения дел с национальными меньшинствами. Целые народы выселялись с мест проживания, искусственно менялась демографическая ситуация. Достаточно вспомнить выселение крымских татар из Крыма и турок-месхетинцев из Грузии, заселение республик Прибалтики представителями других регионов СССР и т.д.

В Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) доля армянского населения с 94.7% в 1921 году сократилась до 75.9% в 1979 году, что воспринималось местными армянами как целенаправленная политика Баку по



“азербайджанизации” автономной области. Для доказательства обоснованности этих опасений приводился пример Нахичеванской автономной республики в составе Азербайджана, где составлявшие в начале XX века большинство армяне уже к началу 1988 года практически “исчезли”. Отмечалось также тяжелейшее социально-экономическое положение Нагорного Карабаха (НК). Поэтому новое звучание проблемы в конце XX века имело достаточно серьезные основания и объективные причины.

Карабахское движение в НК и Армении с момента своего зарождения в феврале 1988 года несло в себе мощный демократический заряд, который мог способствовать предотвращению эскалации конфликта. Однако здесь вступили в силу “субъективные” причины. К последним можно отнести заинтересованность высшего руководства СССР в наличии конфликтных ситуаций на своей периферии. Конец 80-х годов ознаменовался системным политическим и экономическим кризисом коммунистической империи, и по установившейся советской традиции Кремль решил удерживать ситуацию за счет столкновения друг с другом различных этнических, религиозных и социальных групп. Простого нежелания армян и азербайджанцев воевать друг с другом было недостаточно, поскольку оставалась сторона, заинтересованная в противостоянии на Южном Кавказе (ЮК), и этот фактор сыграл серьезную роль в перерастании карабахской проблемы в самый трудный и кровопролитный конфликт на территории бывшего СССР.

В те годы Кремль полностью контролировал СМИ и использовал этот институт для разжигания ненависти между народами стран ЮК (или Закавказья, как его тогда называли). Всем нам памятли репортажи о карабахском конфликте в программе “Время” и статьи в газете “Правда”, из которых практически ничего нельзя было понять, кроме того, что в результате столкновений “по-

гибли люди разных национальностей”. И это в дни, когда на площади Свободы в Ереване проходили митинги, в которых участвовало несколько сотен тысяч человек и где наряду с проблемой НК поднимались вопросы демократизации армянского общества, свободы слова, прав человека, проведения справедливых и свободных выборов.

Силовые структуры СССР и закавказских республик, естественно, тоже находились под полным контролем коммунистических властей, и демократические движения в Армении и Азербайджане (Армянское Общенациональное движение и Народный Фронт Азербайджана) не обладали рычагами влияния на них и на СМИ, чтобы попытаться не допустить эскалации конфликта.

Присутствовал и другой “субъективный” фактор, способствовавший обострению конфликта: наши народы были частью тоталитарной системы, не желающей признавать существование проблем на своей территории, не терпящей иной, альтернативной точки зрения на политические, экономические, социальные и другие процессы. Иными словами, у наших народов не было традиций решения проблем путем диалога, взаимного уважения и гласного обсуждения возникших противоречий, а ведь это могло бы снизить вероятность перехода конфликта в военную стадию.

Не изменила сути коммунистического режима и провозглашенная Михаилом Горбачевым “перестройка”. На политическое решение внеочередной сессии областного Совета народных депутатов НКАО от 20 февраля 1988 года с ходатайством о выходе области из состава Азербайджанской ССР и вхождении в состав Армянской ССР последовала болезненная, а впоследствии и силовая реакция не только со стороны Азербайджана, но и “Центра”. Достаточно вспомнить операцию “Кольцо”, осуществленную в мае 1991 года спецподразделениями внутренних войск МВД СССР с использованием броне-

техники в армянских селах на севере НК, а также в Шаумяновском сельском районе и Геташенском подрайоне Азербайджана. Операция закончилась изгнанием жителей этих сел из своих домов. Из сказанного становится очевидным, что перерастание карабахской проблемы в серьезный международный конфликт было практически неизбежным. Со всеми отрицательными последствиями для всех его сторон - Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха.

Внутриполитические факторы в Армении и Азербайджане, несомненно, серьезно влияют на позицию и действия официальных Еревана и Баку в карабахском вопросе. Элиты обеих стран оказывают существенное давление на власти по текущим вопросам, связанным с процессом урегулирования. Любые принимаемые резолюции или просто обсуждения по карабахскому вопросу, проходящие в международных организациях, вызывают активные острые обсуждения и споры внутри стран. Однако роль ответственной власти должна заключаться в том, чтобы воспитать в обществе терпимость, подготовить его к компромиссам. Власть не должна идти на поводу радикальных политических настроений.

2. В чем заключаются конкретные противоречия сторон? Являются ли культура и история факторами, разъединяющими или объединяющими армянский и азербайджанский народы? Почему Азербайджан не соглашается на независимость НК, а карабахские армяне и Армения не считают возможным пребывание его в составе Азербайджана?

В сегодняшней трактовке карабахской проблемы главное противоречие заключается в том, что каждая из сторон считает НК "исконно" своей землей, приводя многочисленные исторические аргументы в поддержку собствен-

ной позиции. Проблема НК остается в плоскости территориально-исторического спора между Арменией и Азербайджаном. (В ответе на седьмой вопрос мной будут приведены причины столь серьезной деформации сути конфликта.) В подобной ситуации говорить о возможных компромиссах и соглашениях крайне трудно: ведь если эта земля "моя", почему я должен идти с кем-то на компромиссы?

В определенных условиях история (а точнее, та или иная трактовка прошлого) и культура являются факторами, мешающими решать те или иные противоречия, а значит, и разъединяющими народы. Показательный пример тому - действия армянской делегации в ПАСЕ сразу после того, как Армения и Азербайджан стали членами СЕ в 2001. Ее члены попытались вынести на рассмотрение Ассамблеи вопрос признания геноцида армян в Османской империи, несмотря на то, что СЕ не склонен заниматься историческими проблемами (они, собственно, и не входят в мандат этой организации). В свою очередь, азербайджанская и турецкая делегации подняли вопрос о гибели мирных жителей-азербайджанцев в 1992 в Ходжалу (поселок под Степанакертом). Конечно, эти два вопроса не сопоставимы для мирового сообщества ни по своим масштабам, ни по политической значимости. Однако несвоевременно и не в том месте поднятые проблемы еще более осложнили отношения между нашими странами.

В отсутствие традиций мирного сосуществования и компромисса, политической и религиозной терпимости, в отсутствие свободных СМИ, которые могли бы дать возможность услышать альтернативную точку зрения друг о друге, наивно было надеяться на скорое и взаимоприемлемое решение карабахской проблемы. Опыт урегулирования конфликтов в мире показывает, что процесс этот идет медленно и трудно. При всей специфичности каждого межэтнического противостояния с таки-

ми же сложностями сталкиваются стороны и посредники в абхазском, косовском и других конфликтах.

Оснований, в силу которых карабахские армяне не считают возможным жить в составе Азербайджана, приводится немало. Остановлюсь на двух, которые наиболее часто озвучиваются. Первое заключается в негативном историческом опыте проживания армян под административным управлением Азербайджана, второе - в том, что современный мир очень динамичен, его правила меняются в соответствии с требованиями времени и в ближайшем будущем возможен серьезный пересмотр основополагающих международных принципов и норм. Делается ссылка на Косово и Черногорию, где международное сообщество в последнее время склоняется к положительному рассмотрению вопроса о независимости косовских албанцев и черногорцев.

Из известных мне аргументов, которые Азербайджан приводит против признания независимости НК, наиболее используем принцип территориальной целостности государств - одна из основополагающих норм международного права.

Стороны остаются приверженными этим взаимоисключающим позициям, хотя прошло уже много лет с начала конфликта. Между тем есть примеры, когда готовность к компромиссу одной из сторон давала ей определенные преимущества в глазах международного сообщества. После того, как был решен вопрос о вступлении Республики Кипр в Европейский Союз, настроения турок-киприотов серьезно изменились, и они на референдуме 24 апреля 2004 проголосовали за воссоединение острова по плану Генерального Секретаря ООН Кофи Аннана (формула “две страны внутри одной страны”). Результат их голосования объясняется, в первую очередь, привлекательностью ЕС, в котором турки-киприоты увидели гарантию своей безопасности и экономического развития. И хотя план не был поддержан греками-

киприотами, такое динамичное изменение в настроениях “северян” дает шанс на решение конфликта, а главное, создает перспективы для вывода Северного Кипра из международной изоляции.

3. Каковы ресурсы мирного урегулирования, что мешает их задействованию, и какие гарантии нужны сторонам для совершения первых шагов навстречу друг другу? Есть ли различия в представлениях “посвященных” и простых людей о возможностях решения конфликта на нынешнем этапе? Может ли “гражданская дипломатия” способствовать продвижению мира в регионе?

Ресурсы мирного урегулирования я бы разделил на две группы: “внешние” и “внутренние”. “Внешние” формируют те страны и международные организации, которые непосредственно заинтересованы в стабильности на Южном Кавказе. Среди них выделяю особую роль США, которые, являясь ведущей державой мира, в любых сколько-нибудь значимых регионах имеют свои интересы. Эти интересы на ЮК заключаются в участии стран региона в антитеррористической борьбе, в их географической близости к важнейшему для США ближневосточному региону. ЮК является наиболее удобным связующим звеном между Европой и Центральной Азией, в регионе осуществляются крупные энергетические проекты, которые обеспечат альтернативные маршруты доставки нефти и газа из Каспийского бассейна на Запад. Немаловажным фактором является соседство Южного Кавказа со странами, относимыми США к “оси зла” (Иран, Сирия).

Все это обуславливает растущую заинтересованность Вашингтона в стабильности региона. После обретения странами ЮК независимости США оказали им серьез-

ную помощь в экономической, гуманитарной, научной и других областях. Существенна роль этой державы в становлении демократических институтов в наших странах. А уже с 2002 года США начали оказывать южнокавказским странам помощь в военной и военно-технической областях. Американцы прилагают серьезные усилия для улучшения армяно-турецких отношений, а посредством сопредседательства в Минской группе ОБСЕ (МГ ОБСЕ) активно ищут пути мирного разрешения карабахского конфликта, осознавая, что без этого трудно рассчитывать на стабильное развитие региона в целом.

Говоря о международных организациях, отметим огромный потенциал, которым обладают ЕС и НАТО. В результате последнего их расширения южнокавказские страны стали их соседями. В соответствии с принципами своей деятельности эти организации стремятся сотрудничать с соседями, выступают за развитие у них демократии и формирование стабильных политических систем. Кроме того, ЕС и НАТО заинтересованы в сотрудничестве между Арменией, Азербайджаном и Грузией, так как только через тесное взаимодействие стран региона возможно мирное решение конфликтов и полноценная интеграция ЮК в европейские и международные структуры. Европейский Союз сразу после своего расширения, уже в июне 2004, принял решение о сотрудничестве со странами региона в рамках “Европейской политики соседства”.

На Стамбульском саммите НАТО, прошедшем в июне 2004, было принято решение о том, что регионы Южного Кавказа и Центральной Азии (ЦА) являются стратегически важными для этой организации. Было заявлено о готовности перейти от сотрудничества в рамках программы “Партнерство во имя мира” к более тесному взаимодействию по индивидуальным программам, а также о создании института спецпредставителей в ЦА и на ЮК. В 2002-2004 НАТО провела в каждой из стран ре-

гиона военные учения “Лучшее совместное усилие”. Для Южного Кавказа НАТО представляет безусловный интерес не только как самая мощная структура в области обороны и безопасности, но и как организация, членом которой является Турция. НАТО может стать тем “мостом”, который в дальнейшем обеспечит также двустороннее сотрудничество Армении и Турции в области безопасности - именно там, где стереотипы образа врага наиболее живучи.

“Внутренние” факторы, способные содействовать скорому и мирному урегулированию конфликта, включают в себя как властные структуры, так и гражданское общество наших стран. Конечно, определяющая роль в решении конфликта остается за властями Армении, Азербайджана и избранными представителями НК. После президентских и парламентских выборов 2003 в Армении уровень легитимности властей оказался столь низким, что каких-то серьезных шагов в урегулировании конфликта от них ожидать трудно. Напомним, что совместная миссия СЕ и ОБСЕ, проводившая наблюдение за выборами, выявила большое число нарушений и в своем окончательном отчете охарактеризовала их как недемократичные и не соответствующие международным стандартам. К этой оценке проведенных выборов присоединились ЕС и Госдепартамент США. Лишь наблюдатели от Содружества Независимых Государств посчитали, что имевшие место нарушения не повлияли на результаты выборов, чем еще более усугубили впечатление от армянских выборов, так как широко известно, сколь тенденциозны бывают миссии СНГ.

Власти, не наделенные доверием граждан своей страны, не способны на серьезные шаги, тем более, предполагающие взаимные уступки с Азербайджаном. А ведь мы все понимаем, что любые компромиссы связаны с взаимными потерями, отказом от чего-либо, а потому не популярны в обществе. Кроме того, нынешние руково-

дители Армении, пришедшие к власти в 1998 году на лозунгах о необходимости признания независимости Нагорного Карабаха и недопущении уступок Азербайджану, сегодня ограничены в своих возможностях на маневр. То же относится и к другим политическим силам Армении, являющимся сторонниками “жесткой” линии в переговорах. Так, в апреле 2001 все политические партии, имеющие фракции либо депутатские группы в Национальном Собрании Республики Армения (НС РА), приняли совместное заявление, в котором, в частности, говорится: “Азербайджан получит достойный ответный удар, неся на себе всю ответственность за последствия новых военных действий”, и далее: “(...) Для нас в вопросе урегулирования арцахской проблемы приемлемы следующие принципы - объединение Карабаха с Арменией либо международное признание независимого статуса Карабаха.”

И поскольку аналогичной, жесткой позиции придерживаются и власти Азербайджана, для которых приемлем лишь вариант автономии НК в составе Азербайджана и его вертикальное подчинение Баку, ясно, что надежд на использование властного ресурса для мирного и взаимоприемлемого разрешения конфликта сегодня очень мало. Милли меджлис Азербайджана по итогам парламентских слушаний по карабахскому вопросу, прошедших 6-7 мая 2005, принял Декларацию, в которой говорится: “(...) В результате политики агрессии, проводимой Арменией против Азербайджана, оккупировано около 20% азербайджанской территории, армяне не выполняют постановления ООН (...), официальный Ереван проводит также и политику заселения оккупированных азербайджанских территорий (...)”, и далее: “(...) Требуем, чтобы мировое сообщество не закрывало глаза на эти факты и предпринимало усилия для решения карабахского конфликта с соблюдением территориальной целостности Азербайджана.”

Впрочем, в последнее время в позиции властей Армении по карабахскому вопросу наблюдаются неожиданные “повороты”. Так, 11 апреля 2005 во время встречи президента Роберта Кочаряна со студентами экономического факультета Ереванского Государственного университета им было сказано следующее: “(...) Мы никогда не отрицали, что примирение подразумевает взаимные уступки - без них конфликты не решаются. Их решение - это либо капитуляция одной из сторон, либо компромиссы. Была война, эта война была прекращена в мае 1994, и по нынешнее время мы имеем перемирие. Но в действительности это не капитуляция (...)”; “(...) Если есть продолжающийся конфликт, то его решение - во взаимных уступках (...)”; “(...) Сегодня мы должны принять, что в результате решения конфликтов взаимные уступки неизбежны (...)”. Ранее, 30 марта, на парламентских слушаниях по карабахскому вопросу министр обороны РА Серж Саркисян сказал: “Армянская сторона готова обсуждать вопрос пояса безопасности. Если нам будут даны большие гарантии безопасности, чем те, которые обеспечивает пояс, то необходимость в нем отпадает.”

Трудно сказать, означает ли это, что власти Армении резко меняют свои подходы по вопросу Нагорного Карабаха, и насколько последовательны они будут. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что сказанное ими приближается к позиции первого президента Армении Левона Тер-Петросяна. Для наглядности приведу выдержки из статьи Тер-Петросяна “Война или мир? Время призадуматься”, опубликованной в российской “Независимой газете” от 1 ноября 1997: “(...) Война должна быть исключена, следовательно, карабахский вопрос должен решаться исключительно посредством мирных переговоров”; “(...) Единственный вариант решения карабахского вопроса - компромисс, что означает не победу одной из сторон и поражение другой, а возможность достиже-

ния соглашения в условиях пресыщенности конфликтом”; “(...) Компромисс не следует рассматривать исключительно как нечто навязываемое: напротив, противоборствующие стороны сами должны приложить колоссальные усилия для скорейшего его достижения, потому что альтернатива, как уже было сказано - война и новые страдания народов”; “(...) Компромисс - это выбор не между хорошим и плохим, а между плохим и худшим, т.е. компромисс - лишь средство избежать худшего, которым вынужденно пользуются противоборствующие стороны, когда достигают осознания возможного худшего и когда способны проявить политическую волю и необходимое мужество”; “(...) Второе заблуждение состоит в необоснованном утверждении, что, поскольку Карабах выиграл войну, следовательно, нет необходимости идти на какой-либо компромисс. К сожалению, Карабах выиграл не войну, а сражение. Войну выигрывают только тогда, когда противник капитулирует.”

Но по большому счету, как бы ни смягчалась официальная риторика, властный ресурс только тогда в полную силу заработает на урегулирование конфликта, когда руководство двух стран будет обладать высокой степенью легитимности и тон в политической жизни Армении и Азербайджана будут задавать силы либеральной направленности.

“Внутренним” фактором, как уже было отмечено, является также гражданское общество. За годы независимости его институты в определенной степени развились. Это относится к политическим партиям, общественным организациям, СМИ. Несмотря на то, что они еще проходят тяжелый путь становления, преодолевая серьезные проблемы и преграды, опыт Грузии показал их растущую роль в жизни государства. Во время “революции роз” в Грузии исключительно велика была роль неправительственного сектора и независимых СМИ. Несомненно, и в решении карабахской проблемы роль институтов гражд-

данского общества Армении и Азербайджана может возрасти. Этому может способствовать и увеличение числа региональных проектов с участием общественных и политических деятелей и организаций, представителей СМИ, молодежных союзов, экспертов, деятелей культуры и искусства.

К сожалению, ни Армения, ни Азербайджан не являются “образцовыми” демократическими государствами, что конечно сужает возможности “народной дипломатии”. В Армении в последние годы мы наблюдаем серьезный отход от демократических ценностей и свобод: отсутствуют независимые телевизионные каналы; три года подряд в 2002-2004 авторитетная международная правозащитная организация “Фридом Хауз” оценивает армянские СМИ как “несвободные”; насилие в отношении журналистов стало обычным явлением; ограничивается деятельность политических партий; нарушения прав человека носят уже повсеместный характер (достаточно вспомнить разгон многотысячной демонстрации оппозиции в апреле 2004). Не на должном уровне находится и выполнение взятых перед СЕ обязательств.

Беспокоит и то, что власти Армении и провластные политические силы пытаются монополизировать проблему НК и внедрить в сознание граждан страны, что лишь они способны решить ее в интересах армянского народа и что любая другая точка зрения, отличная от позиции властей, означает “пораженчество”. Насаждается мнение, что если в армянском обществе будут представлены альтернативные концепции решения карабахской проблемы, это приведет к ослаблению позиции Армении в переговорном процессе. Не случайно, в последние 3-4 года в армянском телеэфире практически невозможно озвучить позицию по решению карабахского вопроса, противоречащую той, которую принято считать официальной. Следя за азербайджанской прессой, убеждаешься, что аналогичная ситуация сложилась и там. В наших

обществах насаждается ложное понимание патриотизма. И очень важно, чтобы те политические и общественные силы в наших странах, которые готовы к компромиссным решениям и понимают всю губительность максималистских подходов, активизировали свои действия.

Как бы то ни было, наблюдаемый сегодня в Армении отход от категорического отрицания позиций политических противников, активизировавшиеся в последние месяцы усилия сопредседателей Минской группы ОБСЕ по выработке моделей урегулирования конфликта и достаточно спокойное обсуждение элементов этих моделей в прессе и обществе обеих стран позволяют рассчитывать, что ресурсы мирного урегулирования не исчерпаны и могут быть задействованы в обозримом будущем.

4. Что порождает опасения и фобии сторон и чем подпитывается формирование образа врага? Какую роль в конфликте играют СМИ, и возможно ли добиться снижения уровня конфронтационности в общественном мнении до достижения политических соглашений?

Исследования армянской и азербайджанской прессы, проведенные в последнее время, показывают, что в наших обществах преобладает недоверие друг к другу и сильны взаимные страхи. Все более укореняются стереотипы образа армянина-врага в Азербайджане и азербайджанца-врага в Армении. Так, Ереванский пресс-клуб и его партнеры с января по сентябрь 2005 провели перекрестное исследование прессы Армении, Азербайджана и Грузии (армянскую прессу анализировали азербайджанский и грузинский эксперты, азербайджанскую - армянский и грузинский эксперты и, соответственно, грузинскую - армянский и азербайджанский эксперты) на предмет адекватности, достоверности, беспристрастности освещения событий в соседних странах. Картина

полученных результатов очень показательна: и в армянской, и в азербайджанской прессе высок процент материалов друг о друге с негативной эмоционально-смысловой нагрузкой. Отличие заключается лишь в том, что в количественном отношении, материалов с негативом об армянах в азербайджанской прессе в несколько раз больше, нежели в армянской - об азербайджанцах. Мониторинг прессы Армении и Азербайджана, проведенный в 2004 исследовательским Центром "Регион", показал, что у азербайджанцев образ врага связывается с армянами даже тогда, когда речь идет о вопросах, не имеющих прямого отношения к карабахскому конфликту, а в армянской прессе образ врага преподносится через негативный образ либо турка, либо азербайджанца. И в этом исследовании зафиксировано количественное "превосходство" упоминаний армянина-врага в азербайджанской прессе, по сравнению с упоминаниями турка либо азербайджанца-врага в армянской прессе.

Частое обращение к прошлому (в том числе, в контексте проблемы НК), вольная трактовка исторических фактов, ссылки лишь на отрицательные примеры из опыта взаимодействия двух народов являются одной из причин усиления конфронтационности в армяно-азербайджанских отношениях. Кроме того, сильная зависимость СМИ Армении и Азербайджана от властей приводит к тому, что конфронтационность в значительной степени завязана на позициях властей наших стран. Конечно, СМИ не могут устранить причины возникновения конфликта, однако в их силах создать более благоприятный климат для налаживания диалога между сторонами и ослабления взаимных недоверия и неприязни.

Для задействования СМИ с целью дерадикализации общественного мнения Армении необходима демократизация всего общества, укрепление политических свобод. Очень важно, чтобы звучала альтернативная, отличная от официальной точка зрения по всем вопросам, вклю-

чая проблему НК. Тогда СМИ будут более активно предоставлять трибуну общественным и политическим деятелям, склонным к конструктивному диалогу с азербайджанцами. Общественность должна быть вовлечена в дискуссию о взаимных интересах двух стран и народов, о возможности сотрудничества в различных областях.

5. Какова должна быть логика урегулирования: от безопасности к сотрудничеству или от сотрудничества к безопасности? Что может дать сторонам возобновление транспортного и экономического сотрудничества, и какие они несут потери от их отсутствия?

Безопасность в целом и региональная в частности - достаточно сложный феномен и не сводится лишь к военной сфере. Она включает в себя три измерения: военно-политическое, экономическое и человеческое (последнее подразумевает институты гражданского общества, СМИ, гуманитарную сферу). Современный мир интересен тем, что при построении систем безопасности и ее обеспечении заметную роль стали играть экономическое и человеческое измерения. Пришло время странам ЮК понять, к какому идеалу они должны стремиться, что может объединить регион.

Общая логика урегулирования должна содержать действия по двум направлениям: *первое* - это региональное сотрудничество, которое необходимо развивать одновременно в политической, экономической, экологической и гуманитарной областях (идти "параллельными колоннами" и шаг за шагом). Понятно, что региональное сотрудничество должно создать условия для перехода к взаимодействию в области безопасности. Причем, последовательное политическое и гуманитарное сотрудничество обеспечит человеческое измерение безопасности, а экономическое и экологическое сотрудничество -

экономическое измерение безопасности региона. На сегодняшний день трудно себе представить сотрудничество в военной области на региональном уровне, поэтому *второе* направление действий - это интеграция стран региона в европейские (СЕ и ЕС) и евроатлантические (ОБСЕ и НАТО) структуры (представляется, что южно-кавказская система безопасности должна сформироваться как их часть и соответствовать их стандартам). Авторитет и ресурсные возможности НАТО обеспечат участие Армении, Азербайджана и Грузии в военном сотрудничестве в рамках этой организации. Таким образом, второй путь обеспечит переход уже от безопасности к трехстороннему военному сотрудничеству стран региона.

Международное сообщество в лице СЕ, ЕС и США в последнее время пытается содействовать укреплению доверия между народами региона и включить в действие экономическое измерение безопасности. Армения поддерживает этот подход, однако Азербайджан соглашается на экономическое сотрудничество лишь после урегулирования карабахского конфликта. В регионе реализуется ряд крупных нефтяных, газовых, энергетических и транспортных программ, из которых Армения исключена. По всей видимости, в Азербайджане считают, что тройка Турция-Грузия-Азербайджан представляет из себя самодостаточную систему и может успешно сотрудничать. Но мне кажется, что логика региональных действий должна строиться на другом принципе: максимальном вовлечении в сотрудничество всех стран региона в рамках крупных региональных проектов. Это обеспечит высокий уровень доверия между сторонами с последующим взаимоприемлемым решением карабахского конфликта. Задействование регионального экономического сотрудничества приведет к тому, что на Южном Кавказе начнет работать единый региональный рынок, а открытие коммуникаций обеспечит свободное перемещение товаров, услуг и капитала, что с неизбежностью

ослабит роль и значение границ между государствами региона. В этих новых условиях облегчится и поиск компромиссного решения проблемы НК.

Кроме того, международное сообщество, понимая важность человеческого измерения безопасности, пытается сформировать более широкий контекст урегулирования отношений между странами ЮК. Активно используется метод налаживания взаимодействия между отдельными социальными и профессиональными группами наших стран. Будем надеяться, что общение, обмен мнениями помогут изменить общий климат в отношениях между народами региона, найти общие интересы, которые и будут положены в основу регионального сотрудничества.

6. Кто выиграет в случае, если конфликт не будет решен в обозримом будущем? Какими последствиями угрожает возобновление полномасштабных военных действий?

После прекращения боевых действий в мае 1994 всем трем сторонам конфликта - Армении, Азербайджану и НК удалось сохранить перемирие. Более того, в заслугу им надо поставить то, что это происходит без ввода в зону конфликта международных миротворческих сил. Однако, если длительное время стороны не смогут найти всеобъемлющего варианта урегулирования конфликта, окажутся не в состоянии подписать мирный договор, это может быть чревато периодическими обострениями как на дипломатическом и политическом уровнях (в последние месяцы участились случаи, когда со стороны политиков, прежде всего, Азербайджана делаются заявления о возможном решении проблемы военным путем), так и на линии соприкосновения сторон в зоне конфликта. По некоторым данным, за 11 лет после установления перемирия и прекращения сторонами широкома-

сштабных боевых действий с трех сторон от пуль снайперов и в эпизодических перестрелках погибло такое количество военнослужащих и гражданских лиц, которое соизмеримо с числом погибших во время вооруженной фазы конфликта 1991-1994.

Международное сообщество, обеспокоенное нерешенностью конфликта и очередными обострениями в зоне конфликта, время от времени оперативно реагирует на них. А в принятой на январской (2005) сессии ПА-СЕ Резолюции 1416 говорится: "Ассамблея напоминает, что и Армения, и Азербайджан обязались при вступлении в СЕ в январе 2001 года использовать исключительно мирные пути урегулирования конфликта вокруг НК. Таким образом, Ассамблея призывает правительства обеих стран воздержаться от применения вооруженных сил друг против друга, а также от военной пропаганды."

Трудно сказать, кто выиграет в случае "замораживания" конфликта, но несложно догадаться, кто проиграет. В случае затягивания процесса урегулирования прежде всего пострадают Армения и Азербайджан. И здесь дело не только в том, что при длительном "замораживании" конфликта, отсутствии прогресса возрастает вероятность возобновления военных действий, но и в том, что наши страны становятся менее интересными для международного сообщества, воспринимаются как "зона риска" для инвесторов из-за рубежа и бизнесменов. Стороны конфликта проигрывают еще и по той причине, что отсутствие прогресса в решении конфликта может подвигнуть международное сообщество к решению конфликта иными методами - такими, например, как "принуждение к миру", опробованное на Балканах. А в этом случае, как показывает международный опыт, стороны конфликта фактически отстраняются от "написания сценариев" развития ситуации и становятся пассивными наблюдателями происходящих событий и решения их судеб.

Мы в Армении часто слышим от властей, что нерешенность конфликта не мешает развитию армянской экономики. Приводятся официальные данные об экономическом росте, об успешной адаптации армянской экономики к условиям экономической блокады. Такие явления не исключены, но их нельзя воспринимать как решение главных задач и проблем.

Возобновление боевых действий - это катастрофа для Армении и Азербайджана. Всем известно, каких масштабов достигла эмиграция из стран южнокавказского региона, известно и то, насколько тяжела социальная ситуация в наших странах. Поэтому возобновление военных действий будет означать гуманитарную и демографическую катастрофу для двух стран, а может быть, и всего региона. Уверен, что международное сообщество адекватно отреагирует на такое развитие событий: Армения и Азербайджан, вероятно, будут исключены из СЕ, против обеих стран будет применена международная система санкций. Поэтому очень надеюсь, что у наших властей хватит здравомыслия не возобновлять военные действия.

7. В результате чего может быть найдено решение: интенсивных двусторонних переговоров, посреднических усилий международной общности, давления великих держав? Как может повлиять на переговорный процесс подключение к нему представителей Нагорного Карабаха?

Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, попытаюсь представить свое видение развития карабахской проблемы. Этот конфликт прошел много стадий, начиная с политического и военного противостояния, последующего прекращения боевых действий, реализации активной посреднической миссии международных организаций и отдельных стран и кончая сегодняшним зыбким миром,

“замороженным” состоянием. Одним из важнейших событий за весь период карабахского конфликта стала смена в Армении концепции его решения. Это произошло после смены власти в 1998 и оказало серьезное воздействие на весь процесс, а также исказило саму суть конфликта.

С 1988, когда началось карабахское движение в НК и Армении, и по 1998 проблема рассматривалась в контексте международно признанной нормы “права нации (народа) на самоопределение”. Отсюда исходили и все действия армянской политики и дипломатии, а именно: отстаивание права избранных властей НК участвовать в переговорном процессе и определять свою судьбу. В постановлении Верховного Совета Армении от 8 июля 1992, в частности, говорилось: “(...) Опираясь на основополагающий принцип международного права, право наций на самоопределение, а также на результаты проведенного 10 декабря 1991 года референдума о независимости Нагорно-Карабахской Республики (НКР), подтверждая свою приверженность политическому решению проблемы НКР (...), Армения будет отстаивать то решение вопроса Арцаха, которое будет принято НКР (...)”

Руководство Армении того периода считало необходимым участие избранных представителей НК во встречах и переговорах с руководством Азербайджана, как и было, например, 25 сентября 1993, когда президенты Армении - Левон Тер-Петросян, Азербайджана - Гейдар Алиев и председатель Государственного Комитета обороны НК - Роберт Кочарян встретились в Москве. Практически на всех подписанных документах того времени, наряду с подписями официальных представителей Армении, Азербайджана и посредников в решении конфликта, стоят подписи полномочных представителей НК. Так, под известным Бишкекским протоколом, открывшим дорогу к перемирию и подписанным 5 мая 1994, рядом с подписями посредников стоят подписи ру-

ководителей парламентов Армении - Бабкена Аракчяна, Азербайджана - Расула Гулиева и Нагорного Карабаха - Карена Бабуряна. То же мы видим и в документе о прекращении огня, подписанном министрами обороны Армении, Азербайджана и НК 11 мая 1994.

Эта позиция властей Армении находила понимание у международного сообщества, поэтому в 1994 на саммите ОБСЕ в Будапеште НК был официально признан стороной конфликта. Это было подтверждено в Праге 31 марта 1995 на руководящем совете ОБСЕ, где в резюме Действующего председателя говорится: "(...) Действующий Председатель подтверждает ранее принятые ОБСЕ решения о статусе сторон, то есть участие двух вовлеченных в конфликт государств-участников, а также третьей стороны в конфликте (Нагорного Карабаха) во всем процессе переговоров, включая Минскую конференцию (...)." Это было очень важным решением не только для НК, но и для Армении и Азербайджана, так как дало возможность всем трем сторонам конфликта, а также международному сообществу более полно и всесторонне представить ситуацию, понять суть конфликта и до определенной степени увидеть различия в позициях армянских сторон (Армении и НК). Участие НК в качестве полноправной политической стороны (а не только стороны в военной части противостояния) в процессе разрешения конфликта стало важнейшим фактором, способствовавшим успешному продвижению переговорного процесса до 1998 и наработкам серьезных вариантов урегулирования в рамках МГ ОБСЕ.

Азербайджанская сторона с меньшим "энтузиазмом" относилась к идее участия карабахской стороны как самостоятельной единицы в переговорном процессе и настаивала на равноправном участии в переговорах азербайджанской общины НК (в итоге азербайджанская община НК принимала участие в переговорном процессе через представительство в составе делегации Азербайджана).

Аргументация карабахской стороны в вопросе права участия в переговорном процессе была достаточно весомой, ведь еще до начала конфликта армяне НКАО составляли около 76% от всего населения области. Поэтому любые выборы, проведенные в НК, будь-то избрание руководителей местного самоуправления, депутатов разных уровней либо референдумы, носили достаточно представительный характер и не противоречили международным правилам игры, согласно которым любой народ имеет право на формирование собственных органов власти (т.е. на реализацию права на самоуправление). А избранные власти НК можно было наделять полномочиями представлять Нагорный Карабах в целом. Карабахские азербайджанцы не выразили формально свою позицию во время провозглашения Нагорно-Карабахской Республики (НКР) 2 сентября 1991 и проведения в НК референдума о независимости в декабре 1991, однако даже их участие не смогло бы изменить итоги голосования.

После смены власти в Армении в 1998, когда страну возглавили Роберт Кочарян и поддерживающие его политические силы, в первую очередь партия "Дашнакцутюн", позиция Армении по карабахскому вопросу претерпела качественное изменение. Новые власти страны стали рассматривать конфликт с позиций, близких к идеологии "Ай Дата". Стал использоваться тезис о том, что НК является исконно армянской территорией и его присоединение к Армении является вопросом восстановления исторической справедливости. Следствием этой политики было то, что с молчаливого согласия Армении НК выпал из переговорного процесса, а позиция официального Еревана стала ужесточаться. Действительно, если вопрос НК - это проблема "исторических армянских земель", то тогда зачем нужно участие избранных властей НК в переговорном процессе? Вполне достаточно, чтобы позицию армян представляла лишь делегация Армении. И уже начиная с 1998, фактически, начал ра-

ботать новый формат переговоров, где встречались лишь Роберт Кочарян и Гейдар Алиев, а после смерти Гейдара Алиева - Кочарян и Ильхам Алиев. За семь прошедших лет состоялось более 25 встреч, ни на одной из которых не было избранных представителей НК. И не удивительно, что сегодня международное сообщество констатирует полную бесполезность таких встреч и отсутствие прогресса. Не был подписан ни один документ и не было наработано ни одного варианта решения конфликта, который был бы представлен в письменном виде на общественное обсуждение в наших странах.

Изменилось отношение к конфликту и у лидеров ведущих мировых держав, являющихся сопредседателями МГ ОБСЕ. Так, в совместном заявлении президентов России - Бориса Ельцина, США - Уильяма Клинтона и Франции - Жака Ширака по Нагорному Карабаху от 23 июня 1997 говорится: “(...) Чтобы содействовать усилиям в достижении урегулирования конфликта путем переговоров, сопредседатели Минской конференции ОБСЕ от России, США и Франции представили новое предложение о всеобъемлющем урегулировании, учитывающее законные интересы и озабоченности всех сторон. Оно представляет собой хорошую основу для достижения взаимного согласия. Главная ответственность, однако, лежит на сторонах и их руководителях.” Речь шла о “пакетном” и “поэтапном” вариантах решения конфликта, где, как известно, отражены интересы всех трех сторон конфликта. Сравним это заявление с совместной декларацией президентов России - Владимира Путина и США - Джорджа Буша (принятой на российско-американской встрече на высшем уровне 24-26 мая 2002 в Москве), в которой, в частности, говорится: “(...) В Центральной Азии и на Южном Кавказе мы признаем наш общий интерес в содействии стабильности, суверенитету и территориальной целостности всех государств этого региона (...)”, и далее: “(...) Россия и США будут сотрудничать в

решении региональных конфликтов, в том числе в Абхазии и Нагорном Карабахе, а также приднестровского вопроса в Молдавии. Мы настоятельно призываем президентов Азербайджана и Армении проявить гибкость и конструктивный подход к решению конфликта в Нагорном Карабахе. Как два сопредседателя Минской группы ОБСЕ Россия и США готовы помочь в этих усилиях (...)” Как видим, уже ни слова нет о сути конфликта, а сам он представлен как спор между Арменией и Азербайджаном.

О новом восприятии сути конфликта свидетельствует и принятая 25 января 2005 на сессии ПАСЕ Резолюция 1416 по карабахскому вопросу. Отмечу, что Совет Европы с момента вступления Армении и Азербайджана в эту организацию в 2001 стал активно заниматься отдельными вопросами, касающимися карабахского конфликта, т.к. еще при вступлении в СЕ наши страны взяли на себя обязательство “продолжать усилия по решению конфликта исключительно мирными средствами”.

Усиливающееся влияние и рост авторитета СЕ в нашем регионе привели к тому, что, практически на всех заседаниях ПАСЕ и Комитета Министров СЕ (высший исполнительный орган организации) обсуждались те или иные вопросы, касающиеся конфликта, либо по ним выносились решения. Резолюция 1416, фактически, фиксирует результат четырехлетней работы СЕ и назначенных ею докладчиков по карабахскому конфликту (первым докладчиком по НК был нынешний генсек СЕ Терри Девис, а представлял доклад на январской сессии ПАСЕ другой британский парламентарий Дэвид Аткинсон. На основе его доклада и была принята Резолюция 1416). Приведу лишь некоторые положения из этой Резолюции: “(...) Значительные части территории Азербайджана продолжают оставаться оккупированными армянскими силами, а сепаратистские силы все еще контролируют нагорно-карабахский регион (...)”; “(...) Асса-

мблея выражает озабоченность тем, что военные действия, предшествовавшая им и широко распространенная этническая вражда привели к крупномасштабным выселениям по этническому признаку и созданию моноэтнических областей, что походит на ужасное явление - этническую чистку. Ассамблея подтверждает, что отторжение региона от государства и его суверенитет могут быть достигнуты лишь в результате мирного и правового процесса, основанного на демократической поддержке жителей данной территории, но не путем вооруженного конфликта, ведущего к этническим выселениям и, де-факто, аннексии этой территории другим государством. Парламентская Ассамблея повторяет, что оккупация иностранной территории государством-членом СЕ является серьезным нарушением обязательств данного государства, как члена Совета Европы и подтверждает право перемещенных лиц из конфликтной зоны вновь благополучно и с достоинством вернуться в свои дома (...); "(...) Ассамблея призывает правительство Азербайджана наладить контакты с политическими представителями обеих общин Нагорного Карабаха относительно будущего статуса региона. Ассамблея готова предоставить средства для организации таких контактов в Страсбурге, напоминая, что это уже было сделано в виде слушаний с армянским участием (...)." Как видим, и здесь уже нет ни слова о сути конфликта, о правах жителей НК жить безопасно на своей земле, об их праве на самоопределение, о том, что на политические требования большинства населения НК ответ был силовым, что была осуществлена попытка изгнать армян НК со своей родины. В противовес политической составляющей конфликта акцент делается на его этнической составляющей. Он рассматривается как территориальный спор между Арменией и Азербайджаном, в результате которого одна сторона оккупировала территорию другой.

Почему же международное сообщество в лице главных посредников внесло коррективы в свои подходы к урегулированию? Думаю, причина проста - оно пошло по самому, как ему представлялось, "простому" пути: чем меньше сторон конфликта, тем легче будет договориться. Сегодняшнее развитие ситуации, когда переговорный процесс в рамках МГ ОБСЕ зашел в тупик, показывает, насколько ошибочно было исключать НК из переговорного процесса. И последний доклад Горана Ленмаркера, и обсуждение на июльской (2005) сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ показывают, что в этом начинают убеждаться и некоторые люди, вовлеченные в посредническую деятельность.

В армянском обществе есть понимание того, что учет мнения НК приблизит решение конфликта. По данным опроса Армянского Центра стратегических и национальных исследований, на вопрос: "Как по-вашему, кто из сторон конфликта должен участвовать в переговорном процессе по решению карабахского конфликта?", 75% экспертов и 72.4% представителей широкой общественности ответили, что в переговорном процессе должны участвовать Армения, НК и Азербайджан, 20% экспертов и 14.8% "рядовых граждан" считают, что это должны быть НК и Азербайджан.

Для того, чтобы было найдено взаимоприемлемое решение конфликта, необходимо одновременное использование интенсивных трехсторонних переговоров с участием избранных представителей Нагорного Карабаха (нужно отказаться от практики неоправдавшего себя двустороннего формата Армения-Азербайджан), совершенствование формата МГ ОБСЕ, а также активизация посреднических усилий международного сообщества.

Только учет мнений и интересов всех сторон конфликта может принести стабильный мир и процветание нашим странам. Любые решения, навязанные сторонам конфликта и принятые в условиях искаженной сути

конфликта и деформированного главного формата, могут дать лишь временные результаты, а не стабильное урегулирование. Учет мнения всех сторон конфликта в совокупности с установлением подлинных демократических систем в наших странах, готовность к взаимным уступкам и диалогу с противоположной стороной, вот что даст желаемый результат.

8. Насколько процесс карабахского урегулирования может быть вписан в контекст формирования новой системы региональной безопасности на Южном Кавказе? Какова в этом перспективная роль НАТО, а также российского и турецкого факторов?

Ответ на эти вопросы хотелось бы дать в общем контексте европейской (СЕ, ЕС) и евроатлантической (ОБСЕ, НАТО) интеграции, так как, в конечном итоге, оба этих процесса основываются на единой системе ценностей и отделение их друг от друга вряд ли оправдано. Сами эти структуры работают по принципу взаимодействия, взаимодополняемости, прозрачности и отсутствия иерархичности.

Мир претерпел серьезные изменения после событий 11 сентября 2001. Именно они стали детонатором новых геополитических тенденций. США начали действовать в рамках концепции нанесения превентивных ударов по базам террористических групп, недопущения приближения угроз к своим границам, ослабления и нейтрализации тоталитарных режимов, являющихся базой для экстремистов, а также содействия демократическому развитию стран в проблемных регионах мира. Эти идеи США смогли отстоять на июльском, 2004 года, саммите Большой восьмерки, где было принято решение о развитии концепции “Большого Ближнего Востока”, куда войдут страны арабского мира, а также Турция, Иран,

Афганистан и Пакистан. На Стамбульском саммите НАТО в июне 2004 в развитие американской позиции было принято решение о необходимости отстаивать безопасность стран НАТО там, где возникают эти угрозы, и о недопущении приближения этих угроз к границам альянса.

Созданием антитеррористических коалиций (антиалибской, антииракской и др.) европейские страны и США пытаются сообща бороться с международным терроризмом, включая проведение силовых акций. На фоне и по причине антитеррористической борьбы в мире происходят изменения, которые с неизбежностью приводят к изменению роли южнокавказского региона для мирового сообщества. С учетом ряда факторов, включая географический, роль стран Южного Кавказа сегодня, безусловно, возрастает. Перечислим основные из них.

Во-первых, в регионе ЮК в последние годы реализуются крупные международные экономические проекты - такие, как строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, сданного в эксплуатацию в первой половине 2005, газопровода Эрзерум-Тбилиси-Баку, ряда новых автомобильных и железнодорожных маршрутов; с этим регионом связаны крупные энергетические программы. После их завершения можно будет констатировать изменение экономической структуры Южного Кавказа. Так как большинство из этих программ реализуется крупнейшими международными организациями и корпорациями, интерес европейских стран и США к региону становится все более очевидным. Большую роль здесь играет Каспийский бассейн, богатый нефтью, газом и объединяющий два таких важных региона как ЮК и ЦА. Поэтому не случайна готовность США помочь Азербайджану в отстаивании его прав в вопросе статуса Каспийского моря, вплоть до оказания военной помощи и размещения военных баз на территории Азербайджана.

Во-вторых, сближаются позиции США и ЕС по ряду принципиальных вопросов, имеющих отношение к ЮК. Это, в первую очередь, вопрос нормализации армяно-турецких отношений. США уже давно ставят вопрос об открытии армяно-турецкой границы, а Евросоюз все активнее обращается к проблеме признания Турцией геноцида армян 1915 года. Наблюдается тенденция сближения позиций Евросоюза и США по Ирану. Так, эксперты МАГАТЭ, где традиционно превалируют роль и влияние Франции, выразили согласие с позицией США и потребовали от властей Ирана большей транспарентности в реализации ядерных программ.

В-третьих, Азербайджан и Грузия достаточно активно участвуют в антитеррористической борьбе (предоставление воздушного пространства и военных баз членам антииракской коалиции, поддержка в международных организациях инициатив, направленных против международного терроризма). Они участвуют в миротворческих операциях в Косово, в антиталибской и антииракской коалициях и имеют там свои воинские контингенты. В сентябре 2004 Армения также заявила о своей готовности послать миротворцев в Ирак, и в январе 2005 контингент численностью в 46 человек (саперы, врачи и водители) отбыл в эту страну. Армения стала 28-м членом антииракской коалиции, участвующим в военной акции по стабилизации ситуации в Ираке. Все это, безусловно, вызвало положительную реакцию США, которые с 2002 начали оказывать странам региона помощь в становлении национальных армий и подготовке кадров по антитеррористической борьбе. К примеру, в Грузии при поддержке США создан антитеррористический центр. Не случайны и участившиеся посещения региона высокопоставленными чиновниками европейских стран и США. Тот факт, что министр обороны США в третий раз за последние два года посещает Азербайджан, говорит о многом. Наконец, впервые после развала СССР

президент США 10 мая 2005 посещает одну из стран СНГ - Грузию (не считая, разумеется, Россию).

В-четвертых, выше говорилось о том, что после недавнего расширения Евросоюза и НАТО страны южнокавказского региона стали соседями этих организаций, а последние демонстрируют свою заинтересованность в том, чтобы в рамках реализуемых в регионе программ развивалось сотрудничество между Арменией, Азербайджаном и Грузией. Последовательность в их действиях мы увидели в сентябре 2004, когда руководство НАТО отменило свои военно-штабные учения в Азербайджане только по той причине, что Баку отказался разрешить въезд в страну армянским военным. А несколько позже председатель Еврокомиссии Романо Проди заявил в Ереване, что Евросоюз готов оказать серьезную помощь странам региона, но лишь с одним необходимым условием: они должны сотрудничать между собой.

В-пятых, Армения, Азербайджан и Грузия являются членами ОБСЕ и СЕ и приняли на себя в связи с этим серьезные обязательства: проводить демократические, свободные, прозрачные выборы, решать региональные конфликты мирными средствами, уважать права человека. С учетом того, что страны Балтии и Восточной Европы успешно прошли трансформацию от тоталитарного к демократическому обществу, ОБСЕ и СЕ стали еще более активно работать со странами ЮК, уделять им больше внимания, времени и средств. В частности, это зафиксировано в Эдинбургской декларации Парламентской Ассамблеи ОБСЕ (2004), где подчеркивается необходимость перемещения на ЮК и ЦА учреждений ОБСЕ, увеличения финансирования для этих регионов, числа конференций и других проводимых здесь мероприятий. Очень активна деятельность Совета Европы в регионе. Это, прежде всего, контроль за выполнением обязательств, взятых тремя странами при вступлении в эту организацию. Практически на каждой сессии ПАСЕ слушаются отчеты об этих процессах.

В-шестых, возрос фактор Грузии, в лице которой после прихода к власти Михаила Саакашвили и его политической команды Запад видит последовательного союзника. Позиция президента Грузии, заключающаяся в том, что место его страны - в европейской семье народов, а безопасность свою она должна обеспечить посредством интеграции в НАТО, делает Тбилиси надежным партнером европейских стран и США. Внеочередные парламентские и президентские выборы в Грузии 2003-2004 годов показали, что легитимная смена власти в странах региона возможна, и это делает регион ЮК еще более привлекательным.

Вследствие повышения роли ЮК и активизации деятельности новых акторов мы становимся свидетелями формирования новой системы безопасности для стран региона. А насколько готова Армения к подобному развитию ситуации? Каковы должны быть ее основные внешнеполитические ориентиры, способные создать условия для сотрудничества на ЮК и формирования единой системы безопасности?

Думается, Армении необходимо заявить о начале процесса интеграции в Евросоюз и НАТО как о главной стратегической задаче. Отказаться от ориентации на недееспособную систему безопасности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), создающую в регионе разделительные линии. Из трех стран ЮК лишь Армения является членом ОДКБ. Интересно, что сегодня и Россия признает недееспособность институтов, созданных в рамках СНГ. Так, во время рабочего визита президента России Владимира Путина в Ереван 24-25 марта 2005 им было сказано буквально следующее: "Если кто-то ждал от СНГ особых приобретений в экономике, политической и военной областях сотрудничества, то, естественно, этого не было, потому что и не могло быть."

Армении необходимо также отказаться от проведения двусторонних военных учений на своей территории. Она должна участвовать лишь в многосторонних военных учениях и операциях, в частности проводимых НАТО. Если все три страны ЮК одновременно будут стремиться стать частью североатлантической системы безопасности, это станет гарантией невозобновления военных действий в регионе.

После вывода российских войск из Грузии и в случае нормализации армяно-турецких отношений изменится военная структура южнокавказского региона и тогда еще более актуализируется вопрос единой системы безопасности ЮК. Поэтому Армения должна продемонстрировать реальное стремление к установлению добрососедских отношений со всеми соседями по региону, включая Турцию и Азербайджан.

Возрастание роли ЮК в мировых делах, увеличение числа стран и международных организаций, усиливающих свое влияние на процессы в регионе, не могут не сказаться и на решении региональных конфликтов. Если до 2001 проблема Нагорного Карабаха решалась в рамках МГ ОБСЕ (а более точно, с определяющим участием трех сопредседателей МГ ОБСЕ - США, Франции и России), то изменения, которые произошли в мире, предполагают и новые форматы. Усиливающий свои позиции в регионе ЕС предлагает внесение нового компонента в переговорный процесс: трехсторонние переговоры в формате Армения-Азербайджан-Турция. Совет Европы в лице своего генсека Терри Девиса предлагает поставить во главе делегаций МГ ОБСЕ представителей этих стран в СЕ, т.е. запараллелить усилия двух структур в решении конфликта. Во исполнение Резолюции 1416 ПАСЕ уже на весенней сессии 2005 принимает решение о создании Временного Комитета, куда вошли представители Армении, Азербайджана, Франции, Германии, Италии, России, Швеции и Турции.

Россия все 17 лет существования карабахского конфликта играла достаточно активную роль в рамках как МГ ОБСЕ, так и индивидуальных инициатив. Однако на разных этапах проявлялась специфическая позиция России, в частности, ее объективная незаинтересованность в скором урегулировании карабахской проблемы. Как известно, от неурегулированности конфликта в свое время ничего не выиграл СССР, и, полагаю, сегодня ничего не выигрывает Россия. Ожидания, связанные с поддержкой со стороны Москвы, у сторон конфликта были завышенными и не могли оправдать себя. Это явилось одной из причин ослабления роли и влияния России в регионе. Идея “замораживания” конфликта посредством удержания Армении и Азербайджана в орбите своего влияния жива в этой стране и по сей день, хотя через 14 лет после распада СССР Москва могла бы подвергнуть ее ревизии.

Ослабление позиций России в мире в целом и регионе ЮК приводит к тому, что повышается роль других более сильных и активных игроков в мировых делах. А последние, в свою очередь, видят в этом процессе и возрастающую роль Турции.

9. Как потенциал европейской интеграции может повлиять на отношения между Арменией и Азербайджаном?

Как известно, Армения и Азербайджан являются членами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) с 1992 и Совета Европы (СЕ) с 2001 и фактически уже находятся в процессе европейской интеграции. В рамках ОБСЕ была создана Минская группа, занимающаяся решением проблемы НК. За 12 лет ею проведена громадная работа по недопущению нарушения перемирия и созданию условий для решения проблемы НК мирным путем. Роль ОБСЕ значима и в вопросах

контроля за выполнением Договора об обычных вооружениях в Европе, где страны ЮК подпадают под фланговые ограничения. Положительная роль этого Договора заключается уже в том, что исключена неконтролируемая милитаризация региона.

Сегодня на повестке сближение стран ЮК с Европейским Союзом посредством реализации “Европейской политики соседства”. Этот процесс требует развития свободных рыночных отношений в экономике и торговле, свободного перемещения товаров, услуг и капитала, что с неизбежностью ослабляет роль границ между государствами, создает необходимость формирования законодательной базы, соответствующей европейским стандартам, и способствует созданию единого экономического пространства, свободной конкуренции на рынках и т.д. и т.п. В свете всего этого европейская интеграция сегодня - это безальтернативный путь к нормализации отношений между Арменией и Азербайджаном, разрешению конфликтов и противоречий.

10. Какой из выработанных за последние 15 лет вариантов решения карабахского конфликта представляется вам наиболее реалистичным? Можете ли вы сформулировать свою модель, приемлемую сегодня для сторон, или хотя бы основные принципы, на которых должно строиться урегулирование?

За время существования карабахского конфликта было много обсуждений и споров вокруг возможных вариантов его решения. Наиболее серьезными представляются “пакетный” (июль 1997) и “поэтапный” (декабрь 1997) варианты, так как они в письменном виде были представлены на суд армянского и азербайджанского народов (сегодня власти и посредники ограничиваются лишь устной информацией), а главное, содержали попытку отра-

зитель интересы всех трех сторон конфликта - Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха. С точки зрения реалистичности выделю “поэтапный” вариант, именно его с наибольшей вероятностью возможно было претворить в жизнь. При поиске модели урегулирования карабахской проблемы надо учитывать новые реалии, сложившиеся в мире в целом и южнокавказском регионе в частности. За время, прошедшее после 1997-98, когда сторонам были предложены “пакетный” и “поэтапный” варианты решения конфликта, существенно изменилась роль основных акторов, имеющих интересы в нашем регионе. Серьезно возросло влияние СЕ, ОБСЕ, ЕС и НАТО в региональной политике, а доминанта США в регионе ЮК уже очевидна для всех, тогда как Россия - и это отмечалось выше - теряет здесь позиции.

Чтобы продемонстрировать, каким образом изменяющийся международный контекст может повлиять на отношение к тем или иным моделям решения конфликта, совершим экскурс в другой конец Европы. Опрос, проведенный в 2005 среди валлийцев показал, что они себя чувствуют безопасно и спокойно благодаря тому, что Великобритания является членом ЕС и они в “обход” Лондона могут общаться с другими народами и странами. То есть принципы свободы, демократии, терпимости и консенсуса интересов - единственные, способные преодолеть накопившиеся противоречия и в нашем регионе. И смена факторов, влияющих на урегулирование карабахского конфликта, дает нам шанс. Возможное урегулирование карабахского конфликта заложено в формуле: причина нерешенности конфликта - в недемократичности властей Армении и Азербайджана, а также в деформированном формате и искаженной сути конфликта. Поэтому для решения проблемы нужно обеспечить общий благоприятный фон для преодоления конфликта (это необходимое, но не достаточное условие мирного решения конфликта), и одновременно стороны должны

договариваться по конкретным вопросам карабахского урегулирования (достаточное условие решения конфликта).

Необходимое условие мирного решения карабахского конфликта. В понятие “общий благоприятный фон во время решения конфликта” входит: а) синхронная демократизация армянского и азербайджанского обществ; б) выполнение Арменией и Азербайджаном в полном объеме взятых ими обязательств перед СЕ; в) принципиальная оценка международным сообществом выборов в Армении и Азербайджане. Отказ представителей международных организаций и руководителей демократических стран от контактов с должностными лицами, замешанными в фальсификациях, если таковые будут; г) официальные заявления Армении и Азербайджана о своей приверженности европейской (СЕ и ЕС) и евроатлантической (ОБСЕ и НАТО) интеграции и активное участие двух стран в этих процессах; д) интенсивное военное и военно-техническое сотрудничество Армении и Азербайджана с США и НАТО; е) региональное экономическое сотрудничество, идущее параллельно с решением конфликта, через включение Армении в международные и региональные нефтяные, газовые, энергетические и транспортные проекты; ж) многостороннее сотрудничество Армении и Азербайджана с ЕС в рамках “Европейской политики соседства”; з) активизация роли гражданского общества Армении и Азербайджана в решении конфликта. Сотрудничая со странами ЮК, ведущие страны мира и международные организации должны делать акцент на контакты с теми политическими и общественными силами государств региона, которые являются сторонниками мирного решения конфликтов, компромиссов, взаимных уступок, демократических преобразований, борьбы с коррупцией и т.д.; и) применение международным сообществом более эффективных механизмов воздействия на стороны конфликта для обеспе-

чения большей готовности последних к компромиссам. Здесь могут быть использованы элементы “принуждения к миру”, однако они не должны и не могут быть основным механизмом урегулирования; к) создание различных форумов представителей стран ЮК и, в частности, экспертных форумов, где будут нарабатываться взаимоприемлемые модели решения карабахского конфликта, исследоваться области возможного взаимовыгодного сотрудничества.

Достаточное условие мирного решения карабахского конфликта. Что означает: стороны конфликта должны одновременно договариваться по конкретным вопросам карабахского урегулирования. Это: а) решение конфликта исключительно мирными методами в результате пусть даже тяжелых и длительных переговоров; б) отказ армянских сторон (Нагорного Карабаха и Армении) от фиксации статуса НК на первом этапе переговоров. Необходимо следовать в вопросе решения конфликта принципу “территории - в обмен на безопасность НК”, а не “территории - в обмен на независимость НК”; в) вывод сил самообороны НК с части занятых азербайджанских территорий; г) обеспечение гарантий сухопутной связи НК с Арменией; д) отказ от неоправдавшего себя формата армяно-азербайджанских двусторонних переговоров и переход к форматам Азербайджан-НК-Армения и Азербайджан-НК; е) выработка механизма учета мнения азербайджанского меньшинства НК; ж) создание зоны безопасности по периметру территории НК (бывших границ НКАО) и размещения в этой зоне миротворческих подразделений НАТО, имеющих мандат СБ ООН; з) разблокирование автотранспортных дорог, железнодорожных и других коммуникаций; и) предоставление НК права иметь свои силы самообороны и местную полицию; к) предоставление НК права иметь свою Конституцию и формировать свои законодательные, исполнительные и судебные органы власти; л) поощрение армян

НК со стороны ЕС и СЕ (например, прямым экономическим сотрудничеством ЕС с НК) в обмен на снятие ими требования фиксации независимого статуса НК на первом этапе разрешения конфликта.

Здесь приведены лишь основные элементы и принципы решения конфликта, которые, как мне кажется, дадут шанс на восстановление переговорного процесса и возможное скорое его урегулирование.



РАСИМ МУСАБЕКОВ

Родился 1 января 1951. В 1973 окончил факультет автоматизации Азербайджанского Института нефти и химии (ныне Нефтяная Академия). В 1972-1982 работал в различных комсомольских органах в Азербайджане и Москве. В 1985 окончил аспирантуру в Москве и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В 1985-1989 занимался научно-педагогической деятельностью. Заведовал научной лабораторией межнациональных отношений Института Молодежи в Москве (ныне Социально-гуманитарная Академия), затем руководил лабораторией социологии в Высшей Бакинской партийной школе. В 1990-1991 заведовал идеологическим отделом Бакинского Комитета Компартии. В 1991-1992 работал советником по межнациональным отношениям Президента Азербайджанской Республики. В 1992-1993 работал советником в Аппарате Милли меджлиса Азербайджанской Республики. В 1994-1999 являлся доцентом Бакинского Института политологии.

С 2000 по настоящее время - независимый аналитик. Автор более 100 книг, брошюр и научных статей, изданных в США, Великобритании, Швеции, России, Турции, Китае, Грузии и других странах.

■

“КОГДА ПЛОХО СОСЕДУ, ЭТО НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ХОРОШО БУДЕТ ТЕБЕ”

1. Кому был нужен карабахский конфликт, и кто в его результате выиграл? Была ли альтернатива эскалации конфликта, и в чем она заключалась на разных его стадиях? Насколько внутривнутриполитические факторы сказываются на процессе урегулирования?

Непредвзятый анализ статистических данных советского периода показывает, что Нагорно-Карабахская автономная область в своем развитии не только не отставала, но и во многом опережала соседние районы и города как Азербайджанской, так и Армянской ССР. Здесь, конечно же, имелось множество проблем социально-экономического и культурно-образовательного порядка, но они не были экстраординарными и ни в чем не превосходили трудности, которые испытывали все народы бывшего СССР. Недовольство населения области вызвала неэффективная и жесткая административно-командная система, олицетворением которой в их глазах выглядел Баку, а не основной источник уродливого коммунистического правления - Москва. Подлинной же причиной и движущей силой конфликта по поводу Нагорного Карабаха, несомненно, были национальные чувства.

Стремление армянского большинства НКАО, неоднократно поднимавшего вопрос об объединении с Арменией, можно понять. В бывшем СССР, где властители депортировали целые народы, с легкостью перекраивали границы республик, создавали и ликвидировали их (Карело-Финская ССР, Молдавская ССР), передавали области от одних субъектов другим и отнимали обратно

(Крым из РСФСР - Украине, Карачаево-Черкесию из РСФСР - Грузии), это казалось вполне возможным, в особенности, на волне завышенных ожиданий в связи с провозглашенной Михаилом Горбачевым новой линией на “перестройку” и “гласность”.

Карабахское движение неизбежно вызывало рост напряженности: как на этническом уровне - между армянами и азербайджанцами, так и на политическом уровне - между Ереваном и Степанакертом, с одной стороны, и Баку, с другой. Однако это вовсе не предполагало неотвратимую трансформацию конфликта в прямое вооруженное столкновение. В этом совершенно не было заинтересовано абсолютное большинство простых людей, в первую очередь 200 тысяч азербайджанцев, проживавших на территории Армении, и 300 тысяч армян, живших в Азербайджане за пределами Нагорного Карабаха. Именно эти люди первыми стали испытывать на себе негативные последствия набирающего обороты конфликта. Хотя эмоциональный порыв объял практически все население Азербайджана и Армении, что проявлялось в миллионных митингах в Баку и Ереване, в дальнейшей эскалации конфликта простые люди вряд ли были заинтересованы. Последовавший за этим разрыв кооперационных связей между республиками усугублял и без того неудовлетворительное социально-экономическое положение населения, отвлекал людей от решения жизненных проблем.

Возникает логичный вопрос. Если в эскалации карабахского конфликта, по крайней мере, в переводе его в силовую плоскость, не были заинтересованы широкие массы армян и азербайджанцев, кто и что в таком случае привели к блокадам, депортациям, зверствам, разрушениям, убийствам и, в конце концов, войне? О провокационной, деструктивной роли определенных кругов в Москве говорилось неоднократно. В апреле 2005 года это прямо признал в телепередаче ОРТ, посвященной

20-летию “перестройки”, Аркадий Вольский, исполнявший на протяжении года обязанности руководителя КОУ (Комитета особого управления) НКАО. То же самое сделал нынешний министр обороны, секретарь Совета национальной безопасности Армении Серж Саркисян в своем выступлении на заседании парламента Армении, посвященном проблеме карабахского урегулирования. Они не называли конкретных имен, но понятно, что речь шла об идеологах и проводниках старой как мир имперской политики “разделяй и властвуй”. Цель была проста - столкнуть армян и азербайджанцев, довести дело до прямых столкновений и превратить их в заложников имперского благорасположения центра. Москва помогала то одной, то другой стороне, передавала оружие тем и другим, устанавливала связи с экстремистами из обоих лагерей. При этом делалось все, чтобы продлить сложившееся в конфликте патовое состояние.

Однако и в самой Армении, и в Азербайджане, в том числе НКАО, имелись лица, которые исходили из принципа “чем хуже, тем лучше”. Крайние националисты с обеих сторон отказывались даже обсуждать варианты решений, которые могли бы привести к расширению самостоятельности НКАО, обеспечить реальную автономию и гарантии полной безопасности Нагорного Карабаха в составе Азербайджана. Они делали ставку на эскалацию взаимной ненависти. Это блокировало, а временами исключало разумные компромиссы. Эти же группы вынашивали и продвигали идеи этнических чисток, часто участвовали в их осуществлении. Если стоявшими у истоков карабахского движения представителями творческой интеллигенции двигали идеалистические импульсы, то различные околоставные группы (аутсайдеры из второго эшелона, а также вытолкнутые из первого эшелона отставные лидеры и их сторонники) стремились воспользоваться ситуацией для прорыва, либо

возвращения к власти. Не говоря уже о том, что атмосфера насилия, общественной нестабильности была весьма благоприятна для мафиозных, криминальных групп, так как позволяла прятать концы прошлых, настоящих и будущих преступлений, уходить от ответственности за них.

Говорить о том, кто потерял, а кто выиграл от трансформации карабахского конфликта в прямое и ожесточенное армяно-азербайджанское противостояние трудно, так как по большому счету потеряли все. Помимо прямых потерь в виде десятков тысяч убитых и покалеченных, многих сотен тысяч беженцев и перемещенных лиц, разрушенных городов и сел, наши страны оказались отброшенными на десятилетия в своем социально-экономическом развитии. Затормозились и приобрели уродливый характер демократические и рыночные преобразования, миллионы наших сограждан в поисках лучшей доли покинули родину. В то время как бывшие советские республики Балтии стали полноправными членами НАТО и Европейского Союза, Азербайджан и Армения никак не могут определиться с вектором геополитической ориентации и продолжают цепляться за возглавляемые Москвой малоэффективные постсоветские структуры типа СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности.

Одновременно группы лиц в обеих странах извлекли для себя из эскалации армяно-азербайджанского силового противостояния вполне ощутимые политические и экономические дивиденды. Так, опальный коммунистический лидер, бывший член всемогущего Политбюро Гейдар Алиев смог политически реанимироваться и вернуться вместе со своими отставленными сторонниками к власти в Баку. Второразрядные коммунистические функционеры из провинциального НКАО - Роберт Кочарян, Серж Саркисян и их сторонники возвысились до ранее немыслимых для них высот - возглавили власть в Арме-

нии. В то время как наши страны и народы погружались в пучину хозяйственной разрухи и нищеты, вознесенные карабахской волной на вершину власти люди обогащались, прибрав к рукам бывшую государственную собственность и доходные сферы. Не остались в накладе криминальные группы, промышлявшие торговлей оружием, пленными, телами погибших. Мародеры разграбили тысячи домов, из которых были изгнаны армяне и азербайджанцы, а также имущество сотен школ, больниц, культурных учреждений, предприятий и организаций семи районов Азербайджана, временно оккупированных армянскими силами. Коррупцированными чиновниками были расхищены сотни миллионов рублей и долларов, которые направлялись в Нагорный Карабах вначале союзным правительством, а затем - властями Баку и Еревана.

Ретроспективный взгляд на ход событий позволяет утверждать, что остановить маховик набравшего разрушительные обороты армяно-азербайджанского противостояния и не допустить трансформации конфликта в полномасштабную войну было крайне трудно, но возможно. То, что с этой задачей не справились коммунистические руководители на начальной фазе конфликта, следовало ожидать. Им не хватило дальновидности, чтобы оценить разумность, и политической воли, чтобы реализовать план покойного академика Андрея Сахарова, предложившего осуществить территориальный обмен между Азербайджаном и Арменией, разрядить конфликт и сосредоточиться на вопросах демократического обновления общества. В условиях еще существующего СССР, такая "территориальная перекройка" не приводила к изменению внешних государственных границ и потому была осуществима.

В дальнейшем определенный миротворческий потенциал содержался в совместной посреднической инициативе президентов Ельцина и Назарбаева, закреплённой в

Железноводском коммюнике. В качестве тогдашнего советника президента Азербайджанской Республики мне довелось принять непосредственное участие в начавшемся переговорном процессе. Могу свидетельствовать, что, хотя армяно-азербайджанский диалог шел весьма напряженно, выйти на решения, которые, по крайней мере, предотвращали расширение конфликта, в то время представлялось возможным. Однако дезинтеграционные процессы в СССР, совпавшие с формированием неконтролируемых “сил самообороны” и своеволием “полевых командиров”, вкупе с провокационными действиями на местах советских войск сорвали реализацию Железноводского коммюнике. В небе Нагорного Карабаха был сбит вертолет, имевший на борту группу высших руководителей Азербайджана, а также российских и казахских военных наблюдателей. Азербайджанцы подверглись тотальному изгнанию из населенных пунктов НКАО, этнические чистки завершились массовым истреблением жителей города Ходжалы 366-ым мотострелковым полком Советской Армии и местными армянскими силами. В результате переговоры между конфликтующими сторонами были, по существу, свернуты.

Еще одна серьезная попытка локализовать карабахский конфликт была предпринята в апреле 1992 года, когда по инициативе и при посредничестве президента Ирана Хашеми Рафсанджани президентом Армении Левон Тер-Петросяном и исполняющим обязанности главы Азербайджанской Республики Ягубом Мамедовым было подписано Тегеранское заявление. Оно предусматривало незамедлительное (через неделю) начало осуществления мер по прекращению огня при участии иранских представителей и ОБСЕ, а также одновременное открытие всех коммуникационных путей для экономических связей. Ценность данного подхода была в том, что во главу угла была поставлена прагматическая цель - предотвратить разрастание конфликта в полномасштаб-

ную войну. Однако слабость центральной власти как в Баку, так и в Ереване сорвала и эту попытку. Не успели высохнуть чернила на подписях глав государств, как армянскими силами при поддержке российских военных был атакован и захвачен последний населенный азербайджанцами город Нагорного Карабаха - Шуша, а вслед за этим и Лачинский район, отделявший НКАО от Армении.

Как человек, непосредственно участвовавший в подготовке Тегеранской встречи и лично знакомый с президентом Левон Тер-Петросяном, я не думаю, что он мог проявить столь изощренное вероломство, цинично введя азербайджанскую сторону в заблуждение посредством достигнутого и немедленно нарушенного соглашения. Полагаю, что он попросту плохо контролировал собственных военных и еще меньше - полевых командиров в Нагорном Карабахе. Кстати, как показал ход дальнейших событий в Азербайджане, его коллеги в Баку (Аяз Муталибов, Ягуб Мамедов) также оказались неспособными не только обеспечить действительное прекращение огня и разблокирование коммуникаций, но даже удержать собственную власть. Получившие негласное “добро” от Москвы, которая неодобрительно и с ревностью реагировала на посредническую инициативу Ирана (российские представители отказались участвовать в Тегеранской встрече), военные и ГРУшники Закавказского военного округа подвинули и помогли армянским силам захватить Шушу и Лачин, поставив мир перед фактом. Этим надолго была подорвана вера в возможность мирного урегулирования конфликта. Этническая чистка Нагорного Карабаха, как и ранее самой Армении, от азербайджанцев была завершена, разрозненные боевые действия с захватом Лачина превратились в полномасштабную армяно-азербайджанскую войну.

Хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство: довод о том, что наступательные действия армянс-

ких сил были вынужденными и предпринимались с целью обеспечения безопасности и выживания карабахских армян, является неискренним и рассчитан на неосведомленных о причинах и ходе конфликта людей. Ведь как Железноводское, так и Тегеранское соглашения предполагали возможность добиться этого без развязывания полномасштабной войны с Азербайджаном, не обрекая сотни тысяч людей на лишения и страдания.

Новые возможности поиска мирного урегулирования карабахского конфликта появились после заключения Бишкекского соглашения о прекращении огня и возобновления посреднической миссии Минской группы ОБСЕ.

Стороны несколько раз были близки к достижению компромисса и даже заявляли о согласии принять к конкретному обсуждению поэтапный план, подготовленный Минской группой. Однако проявившаяся в очередной раз слабость высшей власти и желание радикальных кругов полностью использовать результаты военных действий, чтобы вырвать у Азербайджана неприемлемые уступки в вопросе о статусе Нагорного Карабаха, сорвали возможность вступления в фазу реального разрешения конфликта. Президента Левона Тер-Петросяна вынудили подать в отставку. Новое руководство Армении вот уже более семи лет продолжает переговоры, как в формате Минской группы ОБСЕ, так и на двусторонней основе, но выполнить обещание добиться мира на своих условиях, так и не смогло.

За время конфликта в Азербайджане сменилось несколько президентов, никто из них не рискнул согласиться с утратой суверенитета над Нагорным Карабахом даже в обмен на бескровное возвращение семи оккупированных районов за его пределами. Стороны несколько раз (перед Стамбульским саммитом ОБСЕ 1999 года, в Париже с участием президента Ширака, в Ки-Уэсте с участием Госсекретаря США Колина Пауэлла) довольно

близко подходили к достижению компромисса. Однако в последний момент происходили форс-мажорные события (расстрел в армянском парламенте, шумные отставки в Азербайджане и пр.), нарастало сопротивление собственного окружения, в итоге президенты делали шаг назад.

Тому было множество причин как геополитического, так и внутривосточного, психологического и иного порядка. Я уже говорил о стремлении Москвы использовать существующие конфликты для того, чтобы крепче привязать к себе постсоветские государства, затруднить распространение на территории Южного Кавказа влияния Запада. Поэтому кремлевские политики, с одной стороны, выступали в роли посредников, а с другой - действовали в пользу длительного "замораживания" конфликта.

В настоящее время в Азербайджане и Армении у власти находятся силы, вынесенные на ее вершину карабахской волной - причем в качестве более жестких критиков своих предшественников, склонных к компромиссам или неспособных организовать жесткое противодействие. Предъявить убедительные позитивные результаты своего правления они не в состоянии. Бедность, безработица, коррупция, произвол и чванливость чиновников, расхищение ими государственной собственности и доходов - таковы реалии наших стран. В этих условиях трудно обеспечить единство общества демократическим путем, посредством выдвижения убедительной и приемлемой для большинства идеи национальной безопасности и развития. Потому элиты по необходимости обращаются к суррогатным средствам сплочения людей: выпячиванию внешних, иноэтнических угроз; созданию и эксплуатации "образа врага".

Множество опросов общественного мнения показывают, что в своем большинстве люди в этих странах не желают возобновления войны. Однако в результате мно-

голетней пропаганды население рассматривает конфликт в категориях “победа” или “поражение”, а не рационального соотнесения выгод от скорого достижения мира и возобновления сотрудничества с потерями, вызванными консервацией ситуации в состоянии “ни мира, ни войны”, сопряженной с непомерными военными расходами, задержкой в социально-экономическом и демократическом развитии.

Причиной затягивания процесса мирного урегулирования конфликта является еще и односторонняя оценка сторонами фактора времени. В Ереване полагают, что по прошествии времени азербайджанцы примирятся с утратой Нагорного Карабаха и согласятся оформить это юридически, а мир признает это как новую реальность, не меняющую и не нарушающую существующие международные правила. В Баку полагают, что нефтяные ресурсы уже позволили привлечь на свою сторону могущественные энергетические корпорации, повысили интерес ведущих держав к Азербайджану, а растущие нефтяные доходы дадут возможность перевооружить и усилить армию. Согласно ожиданиям властей Азербайджана, в ближайшие 5-10 лет должны увеличиться как финансовые поступления от экспорта нефти, так и уровень международной поддержки. Следовательно, окажется возможным добиться более приемлемых условий урегулирования карабахского конфликта. Одним словом, идет дипломатическая и пропагандистская борьба, стороны демонстрируют для внешнего мира свою готовность к компромиссам, а для внутреннего потребления - непреклонность. Время же идет, и с каждым годом становится очевидным банкротство такого узкого, упрощенного подхода. Ничего, кроме локальных тактических выгод, в его результате получить нельзя. Так растрачиваются время и ресурсы, необходимые для достижения стратегической цели - интеграции в европейское политическое и экономическое пространство. К сожалению, интеллекту-

алы и политические силы, которые могли бы убедительно представить ситуацию общественности в данной плоскости, отлучены от рычагов политического и информационного влияния.

2. В чем заключаются конкретные противоречия сторон? Являются ли культура и история факторами, разъединяющими или объединяющими армянский и азербайджанский народы? Почему Азербайджан не соглашается на независимость НК, а карабахские армяне и Армения не считают возможным пребывание его в составе Азербайджана?

Противоречия между армянами и азербайджанцами, конечно же, носят политический характер. В юридических понятиях карабахский конфликт может быть определен как сецессия, а политически - ирредентизм. С проблемами, аналогичными карабахской, в своей новейшей истории сталкивались и преодолевали их многие нации и государства Европы. Не все конфликты доводились до уровня вооруженного противостояния, как это имело место на постсоветском пространстве и в бывшей Югославии. Однако террористические акции в этой связи сегодня происходят даже в самых демократических странах, например, в Великобритании, Франции или Испании.

Об экономических противоречиях между Азербайджаном и Арменией говорить абсурдно, так как эти государства не конкурируют между собой, наоборот, теряют в результате разрыва традиционных кооперационных связей и транспортных коммуникаций. Что касается противоречий на межличностном уровне, то они стали следствием, а не причиной армяно-азербайджанского конфликта в связи с Нагорным Карабахом. Рассуждения об этнической, реже генетической или религиозной несов-

местимости наших народов, с которыми, к сожалению, выступают некоторые политики даже с высоких международных трибун, имеют скорей пропагандистский характер и служат целям обоснования невозможности сохранения Нагорного Карабаха в составе Азербайджана и оправдания произведенных этнических чисток. Найти понимание у цивилизованного международного сообщества подобными высказываниями невозможно. Ведь тезис о несовместимости не только прямо противоречит современным гуманистическим ценностям, в приверженности которым все публично клянутся, но и обрекает наши народы на вечную, если не войну, то неприязнь и изоляцию друг от друга.

Ментальность, культура и история, как армян, так и азербайджанцев самобытна, оригинальна. Однако в процессе многовекового взаимодействия они сильно переплелись и взаимно обогатились. В поведенческих стереотипах армян и азербайджанцев, если подходить к ним не окарикатурено, обнаруживается много схожего. В музыке, живописи так много общих интонаций, мелодий, ритмов, образов, что приводит к спорам об их принадлежности. То же самое можно сказать о кулинарии, быте, многих обычаях. Что касается истории, то, вопреки ошибочным представлениям, большую часть многовековых контактов обоих народов характеризует добрососедство, а не соперничество и вражда. Не хочу идеализировать нашу общую историю, в ней имеются, наряду со светлыми, и темные страницы. Однако ее односторонняя негативная трактовка на потребу сиюминутных пропагандистских целей не только неверна с научной точки зрения, но и вредна, так как отягощает неизбежное в обозримом будущем примирение наших народов и будет еще более затруднять восстановление доверия, добрососедства и сотрудничества.

Противоречия между Арменией и Азербайджаном по вопросу Нагорного Карабаха имеют форму столкновения двух базовых принципов современного международ-

ного права. Азербайджан, опираясь на принцип “территориальной целостности государств и недопустимость силового изменения границ”, не соглашается предоставить независимость Нагорному Карабаху или передать его Армении. Казалось, сделав это, Баку раз и навсегда избавился бы от вечной головной боли сепаратистских претензий карабахских армян, бескровно вернул бы другие оккупированные азербайджанские территории, сократил бы армию и расходы на ее содержание, заслужил бы экономическое поощрение со стороны международного сообщества за миролюбивую уступчивость.

Однако в Азербайджане не было, нет и вряд ли, в обозримом будущем, появится правительство, готовое и способное пойти на юридическое оформление отказа от суверенных прав на Нагорный Карабах. Тому есть множество причин. Во-первых, это означает признание слабости государства и неспособность осуществить первейшую функцию - защитить территориальную целостность страны и безопасность граждан. Отказ Азербайджанской Республики от защиты законных прав может поощрить Армению (здесь имеются круги, территориальные претензии которых к Азербайджану не ограничиваются одним Нагорным Карабахом) и других соседей к предъявлению новых территориальных претензий. Капитуляция перед сепаратизмом карабахских армян может стимулировать и другие этнические меньшинства Азербайджана к аналогичным действиям, в особенности при наличии подстрекателей и покровителей извне. Во-вторых, Нагорный Карабах, в особенности город Шуша, является колыбелью азербайджанской культуры, здесь наряду с армянами проживало свыше 45 тысяч азербайджанцев (четверть всего населения НКАО). Признание независимости Нагорного Карабаха или передача его Армении лишает их даже потенциальной возможности возвратиться в будущем к своим родным очагам. В-третьих, общественное мнение, которое, хотя и не желает возобно-

ления войны, но ни при каких обстоятельствах не приемлет мир ценой нарушения территориальной целостности страны.

Стремление армян осуществить под прикрытием принципа “свободы самоопределения народов” сецессию Нагорного Карабаха в дополнительном объяснении не нуждается. В конце концов, карабахское движение именно для этого и затевалось. Мне, как азербайджанцу, трудно говорить о причинах, по которым для армянской стороны идея широкой автономии Нагорного Карабаха в пределах Азербайджанской Республики, даже осененная гарантиями международного сообщества, является неприемлемой. Но если попытаться взглянуть на ситуацию глазами другой стороны, то она (понятно, что в упрощенном виде) выглядит следующим образом.

Во-первых, военная победа, одержанная армянами в 1992-95 гг., внушила им надежду или иллюзию на то, что можно ставить и добиваться реализации изначальной задачи по максимуму, то есть международно-правового оформления факта сецессии Нагорного Карабаха. Во-вторых, у армянской стороны есть уверенность в том, что предельно широкая автономия и гарантии безопасности у нее в кармане и при любом ходе развития событий обеспечены. Почему в таком случае не проявить неуступчивость и не попытаться добиться большего? Ведь резолюции Совета безопасности ООН, требовавшие вывода армянских сил с оккупированных азербайджанских территорий, не устанавливали конкретные сроки и не были подкреплены угрозой санкций. Поток зарубежной помощи Армении не сокращается и по размеру на душу населения является одним из самых высоких в СНГ. Больших дивидендов от восстановления сотрудничества с Азербайджаном в Ереване немедленно не ожидают. В-третьих, у власти в Степанакерте (Ханкенди) и Ереване находятся, в основном, бывшие полевые командиры, непосредственные организаторы вооруженной борьбы про-

тив Баку и осуществившие массовые этнические чистки на оккупированных территориях. Понятно, что им неудобно от одной мысли о субординации Нагорного Карабаха в отношениях с Баку. Под их руководством за годы конфликта в Нагорном Карабахе выросло поколение, которое сформировалось в условиях фактической интеграции с Арменией и не представляет переход под юрисдикцию и управление Азербайджана, даже в самой мягкой федеративной форме.

3. Каковы ресурсы мирного урегулирования, что мешает их задействованию, и какие гарантии нужны сторонам для совершения первых шагов навстречу друг другу? Есть ли различия в представлениях “посвященных” и простых людей о возможностях решения конфликта на нынешнем этапе? Может ли “гражданская дипломатия” способствовать продвижению мира в регионе?

На первый взгляд, все, что можно было использовать для продвижения вперед процесса мирного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, уже задействовано. В этот процесс вовлечены самые авторитетные международные организации - такие, как ООН, ОБСЕ, Совет Европы, СНГ. Готовность оказать экономическую, политическую и моральную поддержку миротворческим усилиям продекларировали такие могущественные европейские и евро-атлантические структуры, как ЕС и НАТО. Сопредседателями посреднической Минской группы являются представители крупнейших мировых держав - США, Франции и России. Но всего этого пока что оказалось недостаточно, чтобы вывести переговорный процесс по урегулированию конфликта из тупика. Не думаю, что изменение переговорного формата или нагнетание напряженности на линии прекращения

огня способны изменить ситуацию в лучшую сторону. Напротив, это может ухудшить ее. Чтобы стимулировать конфликтующие стороны к миру, возможно, следует существенно повысить как размеры дивидендов, которые они получают за уступчивость, так и цену, которую придется заплатить за неразумное упорство.

Конфликтующие стороны разделяет глубокое взаимное недоверие. Поэтому они жестко и с упорством держатся за заявленные, заведомо неприемлемые друг для друга переговорные позиции. Никто не желает сделать первый шаг по пути уступок, боясь подвоха с другой стороны. Представляется, что выходом может стать разработка посредниками своеобразной “маршрутной карты”, включающей “лестницу шагов” со сроками их выполнения, гарантиями которой стали бы великие державы-посредники.

Если судить по результатам социологических опросов и мониторинга СМИ, то векторы отношения широких слоев населения и экспертов к карабахской проблеме в каждой из стран является однонаправленными. Однако имеются существенные различия в подходах к перспективам разрешения конфликта, роли внешних и внутренних факторов в этом процессе. Так, по сравнению с простыми людьми, эксперты в Азербайджане более скептически оценивают возможность в ближайшее время добиться сдвига в процессе урегулирования, склонны к более низкой оценке роли России и, напротив, завышают значение в разрешении карабахского конфликта растущих интересов в регионе влиятельных нефтяных корпораций, западных держав, а также потенциала евроинтеграции (НАТО, ЕС).

Что касается “народной дипломатии”, то она сыграла определенную роль в налаживании диалога между нашими народами в первые годы после установления режима прекращения огня. Здесь можно отметить деятельность правозащитных организаций по поиску и возвращению

пленных, останков погибших, выяснению судьбы без вести пропавших лиц. Полезными оказались взаимные посещения журналистов, налаживание журналистскими объединениями системы обмена информации, теле- и радиомосты, создание совместных Интернет-сайтов, проведение в глобальной сети различных форумов. Однако застопорившийся переговорный процесс, отсутствие реального прогресса в урегулировании конфликта ограничивает и снижает эффективность “народной дипломатии”. Наблюдающаяся в этой связи критика со стороны радикальных групп, а также провластных кругов в Азербайджане затруднила ее продолжение. Признавая полезность инструментов “народной дипломатии”, нужно отдавать себе отчет в том, что она не в состоянии подменить собой государственные структуры, несущие прямую ответственность и располагающие необходимыми ресурсами и полномочиями для разрешения конфликта.

В контексте “народной дипломатии” хотелось бы выделить роль диаспоры. Потенциал созданных ими организаций большой. Ведь за границами национальных территорий наших стран - в России, Грузии, Украине, Казахстане, Узбекистане, а также США, Германии и других странах проживают десятки, сотни тысяч армян и азербайджанцев. Причем там они непосредственно соседствуют, взаимодействуют в бизнесе, являются коллегами по работе и пр. К сожалению, влиятельные организации диаспоры больше нацелены на то, чтобы доказать правоту собственной стороны, добиться поддержки общественного мнения и правительства страны пребывания, очернить противостоящую сторону в конфликте, а не на поиск мира и согласия. Более того, большинство членов и активистов таких организаций не испытывает непосредственно на себе все тяготы многолетнего армяно-азербайджанского конфликта, выступает с радикальных позиций, демонстрирует непримиримость и макси-

мализм. Принимая во внимание отсутствие барьеров для межэтнического диалога, а также декларируемую поддержку процесса мирного урегулирования карабахского конфликта правительства стран, в которых сосредоточена основная часть армянской и азербайджанской диаспор, важно переориентировать их организации на достижение поставленной цели.

Значительные возможности усиления “народной дипломатии” представляют контакты по линии межрелигиозного диалога, а также ветеранских, женских, экологических организаций. Вместе с правозащитными и журналистскими структурами, традиционно проявляющими в данном направлении активность, они могут стать “лоббистами” мира.

4. Что порождает опасения и фобии сторон и чем подпитывается формирование образа врага? Какую роль в конфликте играют СМИ, и возможно ли добиться снижения уровня конфронтационности в общественном мнении до достижения политических соглашений?

Источником этих фобий является односторонняя интерпретация событий начала прошлого века, когда российская имперская администрация, используя старую политику “разделяй и властвуй”, втянула армян и азербайджанцев в кровавые междоусобицы. Свой негативный отпечаток наложили территориальные споры 1918-20 годов при образовании независимых Армянской Республики и Азербайджанской Демократической Республики, вылившиеся в прямые военные столкновения. На сложные армяно-азербайджанские отношения накладывается еще и трагическая тень армяно-турецкого прошлого. Все это в совокупности привело к тому, что конфликт в связи с Нагорным Карабахом сразу же трансформировался в непримиримое противостояние с жестоки-

ми актами насилия и массовыми этническими чистками. Сказалось искаженное восприятие себя и противостоящей стороны.

Предположу, что армян не покидает чувство осажденной крепости, а многие азербайджанцы видят в армянах проводников (выполняющих эту функцию не без выгоды для себя) российских имперских интересов. Отсюда дивергентный подход, когда все рассматривается в контрастных тонах: свой - хороший, и чужой - плохой. Бескомпромиссность предполагает жертвенность, стойкость, то есть качества, для массового проявления которых необходимо, чтобы противник представлялся как можно хуже, коварным и бесчеловечным.

Весомую лепту в разжигание ксенофобии, перераставшей порой в массовый психоз, внесли СМИ. Обвинять их бессмысленно, так как они выполняли “общественный заказ” как на этапе раздувания конфликта, так и во время его стремительной эскалации и доведения до прямой войны. А “на войне, как на войне”, говорят французы. Но даже спустя 11 лет после установления режима прекращения огня ситуация мало изменилась. Мониторинг СМИ, проведенный Бакинским и Ереванским пресс-клубами, показывает, что в последние годы активность обращения газет, радио и телеканалов к тематике карабахского конфликта несколько снизилась, но по-прежнему медиа, рассказывая о противостоящей стороне, преимущественно обращаются к негативным событиям, определениям и характеристикам.

Предположу, что в условиях отсутствия реального прогресса в процессе мирного урегулирования конфликта ожидать существенного изменения тональности наших СМИ, в особенности азербайджанских (проигравшая военный этап сторона обычно компенсирует это реваншистской риторикой), не приходится. Тем не менее, хотя бы на уровне ведущих телерадиоканалов и общенациональных газет, могут быть осуществлены согласован-

ные действия для того, чтобы критика противостоящей стороны не превращалась в пропаганду “зоологической” ненависти, не разжигала массовую истерию и психоз.

5. Какова должна быть логика урегулирования: от безопасности к сотрудничеству или от сотрудничества к безопасности? Что может дать сторонам возобновление транспортного и экономического сотрудничества, и какие они несут потери от их отсутствия?

Это взаимосвязанные и взаимодополняемые стороны целостного процесса. Без наличия безопасности, говорить о сотрудничестве не приходится. В свою очередь, сотрудничество порождает доверие и повышает уровень взаимозависимости, а следовательно, и взаимной безопасности. Но все же полагаю, что сколько-нибудь масштабное сотрудничество без предварительного обеспечения хотя бы минимальной безопасности невозможно, и потому связанные с этим вопросы на данный момент являются приоритетными.

Сотрудничество, если под этим подразумевается не примитивная торговля на оптовом рынке в грузинском селе Садахло, возможно лишь при наличии определенного уровня межгосударственных отношений, закрепленных соответствующими правовыми актами. О каком сотрудничестве между Азербайджаном и Арменией можно говорить, если стороны еще не признали друг друга, не имеют дипломатических отношений, ни сами граждане, ни их имущество на враждебной территории не пользуются защитой закона, а бизнесмены и хозяйствующие субъекты не могут заключать сделки, признаваемые исполнительными структурами и судами “добросовестными”.

Представим гипотетически, что коммуникации открыты, а сделкам между находящимися в конфликте сторонами препятствия не чинятся. Наладится ли сотрудни-

чество? Вряд ли. Никто не возьмется страховать грузы, отправителем или получателем которых является противная сторона. Следовательно, эти грузы могут “пропасть”, быть разграблены в пути и пр. Изменить ситуацию можно лишь найдя компромиссную формулу урегулирования конфликта. Важнейшим элементом такой формулы должно стать обеспечение стабильной безопасности как Азербайджана и Армении, так и непосредственно Нагорного Карабаха. Понятно, что речь идет не о голословных декларациях, а о соглашении (с участием государств-гарантов), подкрепленном мерами военно-технического (ограничение вооружений в зоне соприкосновения, введение разъединительных сил или международных наблюдателей), политического (установление дипотношений между двумя странами, открытие официальных представительств, заключение рамочного межгосударственного договора) и информационно-пропагандистского (прекращение “демонизации” противной стороны, призывов к войне и насилию) характера.

Конечно же, от разрыва транспортных, хозяйственных, научно-технических, гуманитарных связей несут потери все стороны. Полагаю, что только от прекращения транзитных грузоперевозок по железной дороге из Турции и Ирана в направлении России и Северной Европы мы ежегодно теряем десятки, возможно, и сотни миллионов долларов. Но если для Азербайджана эти потери частично компенсируются ростом транзитных доходов от автомобильных перевозок, то потери Армении более существенны. Причем без открытия железнодорожного сообщения через Азербайджан восстановление основной части промышленности Армении практически невозможно.

Принуждение президента Левона Тер-Петросяна к отставке и отказ от объявленного им согласия на реализацию поэтапного плана Минской группы привели к тому, что процесс мирного урегулирования застопорился

на долгие годы. В результате, находившиеся тогда в стадии проектирования основной нефтепровод Баку-Джейхан и газопровод Баку-Эрзрум пошли не по кратчайшему армянскому маршруту, а через Грузию. Если для Азербайджана это привело к некоторому росту транспортных издержек по перекачке энергоресурсов на западные рынки, то Ереван лишился как многомиллионных транзитных доходов, так и возможности по льготным ценам приобретать необходимые стране нефть и газ.

В условиях, когда сохраняется неопределенность в отношении сроков достижения прогресса в урегулировании конфликта, Иран и Турция приступили к поискам обходных, минующих Армению путей железнодорожного сообщения через Грузию (Карс-Ахалкалаки) и Азербайджан (Решт-Астара-Баку) с Россией и северной частью Европы. Реализация этих проектов оставит Армению в региональном тупике. Ведь после затраты средств на строительство и модернизацию названных участков, инвесторы будут стремиться оправдать капиталовложения посредством их максимальной загрузки и вряд ли захотят тратиться на восстановление и модернизацию полуразрушенных железнодорожных линий Армении.

От разрыва кооперационных связей сильно пострадали электроэнергетика, химическая, пищевая и легкая промышленности наших стран. Сейчас трудно судить о том, что потенциально может дать восстановление этих связей. Ведь оборудование простаивающих или сильно сокративших производство предприятий безнадежно устарело или раскулачено, кадры растеряны и, главное, утрачены многие традиционные рынки. Однако определенная выгода, безусловно, будет.

В результате оккупации армянскими силами азербайджанских территорий вокруг Нагорного Карабаха (5 районов полностью, а 2 - частично) из хозяйственного оборота выведены сотни тысяч гектаров плодородных

земель, не разрабатываются месторождения минеральных ресурсов, разрушены предприятия и социальная инфраструктура, нанесен огромный вред экологии. Огромные средства (в СМИ называлась цифра в 1 миллиард евро), которые международные доноры (ЕС и США) готовы выделить на реабилитацию территорий, пострадавших от военных действий, остаются невостребованными из-за отсутствия реального прогресса в процессе мирного урегулирования.

6. Кто выиграет в случае, если конфликт не будет решен в обозримом будущем? Какими последствиями угрожает возобновление полномасштабных военных действий?

Когда плохо соседу, с которым находишься в остром конфликте, это не означает, что хорошо будет тебе. Поэтому, если тупик в процессе мирного урегулирования не будет преодолен, от этого потеряют все участники конфликта - Армения, Азербайджан, а также население Нагорного Карабаха. Финансовые ресурсы будут направляться на гонку вооружений, модернизация экономики и социальной сферы будет идти медленно или стагнировать, демократическое развитие - тормозиться. В выигрыше окажутся лишь поставщики дешевых, устаревших систем вооружений и боеприпасов.

Грузия, сама страдающая от неурегулированных конфликтов, в силу сложившихся обстоятельств и благодаря осуществленному демократическому прорыву, будет укреплять собственную роль регионального политического лидера. Одновременно на сохраняющемся разрыве экономических связей Армении с Азербайджаном и Турцией будут зарабатывать различные посредники. Консервация конфликта между Азербайджаном и Арменией позволит России, отчасти Ирану и дальше "играть" на существующих противоречиях, тормозить "отход" ре-

гиона в западную систему безопасности и экономического сотрудничества.

Возобновление полномасштабных военных действий угрожает региону катастрофическими последствиями. Ведь новая война, в отличие от кампании 1992-94 годов, которая велась преимущественно иррегулярными частями, ополченцами, теперь станет столкновением армий, насчитывающих по 70-80 тысяч солдат, имеющих на вооружении много сотен единиц бронетехники и артиллерийских стволов, авиации и пр. Ее трудно будет локализовать исключительно карабахской линией фронта, а следовательно, высока вероятность косвенного, возможно, и прямого вовлечения в конфликт России и Турции (в случае катастрофического исхода боевых действий для Армении либо Азербайджана).

Наметившийся в обеих странах процесс экономической реабилитации будет сорван, инвесторы начнут выводить капитал из региона, во всяком случае, поостерегутся начинать новые проекты. Угроза нависнет над дорогостоящим трубопроводом, по которому предполагается осуществить экспорт каспийских энергоресурсов на мировые рынки. И все это вдобавок к людским и материальным потерям, неизбежно сопровождающим военные действия такого масштаба.

Сохраняющийся военный паритет между противостоящими сторонами, сложный рельеф местности, наличие укрепленных оборонительных рубежей делают маловероятным значительный успех наступательных операций. Следовательно, после ожидаемого вмешательства международного сообщества в лице СБ ООН, ОБСЕ, Совета Европы и др. стороны будут вынуждены остановить войну и возобновить мирные переговоры. Однако зачатки доверия и понимания между сторонами, возникшие за время продолжающегося вот уже более 11 лет режима прекращения огня, будут утрачены и их придется с трудом восстанавливать, преодолевая враждебность, воспаленную новыми потерями.

Еще одним негативным последствием возможного возобновления войны станет резкий рост эмиграции. Регион за минувшие годы уже покинуло несколько миллионов человек. Большую их часть составили образованные, высококвалифицированные люди. Раньше из региона эмигрировало преимущественно русскоязычное население и главным образом - в Россию, Украину, другие страны СНГ. Теперь мы можем потерять многих специалистов, в основном молодых и владеющих английским языком.

7. В результате чего может быть найдено решение: интенсивных двусторонних переговоров, посреднических усилий международной общности, давления великих держав? Как может повлиять на переговорный процесс подключение к нему представителей Нагорного Карабаха?

Полагаю, что нужный эффект можно получить, если все перечисленное будет осуществляться одновременно. Причем только тогда, когда двусторонние переговоры будут вестись не с целью произвести нужное впечатление на собственную аудиторию, а действительно будут нацелены на достижение реальных результатов посредством взаимных компромиссов. Когда посредники станут последовательными и принципиальными, будут исходить не из интересов представляемых ими государств, а из интересов скорейшего достижения прочного мира и безопасности на основе универсальных норм международного права. Что же касается великих держав, то здесь важен отход от двойных стандартов, недвусмысленное доведение собственной позиции до конфликтующих сторон. Стимулы и гарантии со стороны международного сообщества и великих держав в деле обеспечения безопасности и свободного развития Нагорного Карабаха, а

также в целом Азербайджана и Армении желательно конкретно обозначить и сделать достоянием широкой общественности.

Нагорный Карабах никогда не стоял в стороне от переговорного процесса по поиску мирного урегулирования конфликта. Лидеры карабахских армян всегда знакомились с предложениями, разрабатываемыми Минской группой, их пожелания принимались во внимание, сопредседатели часто посещали Нагорный Карабах, встречались с местными официальными лицами. Баку не отказывался от ведения переговоров с лидерами карабахских армян, но соглашался на это лишь с условием предварительного выполнения известных резолюций СБ ООН (№№ 822, 853, 874, 884), требовавших незамедлительного прекращения военных действий и освобождения районов, оккупированных армянскими силами за границами бывшей НКАО. Прекращение огня достигнуто и в основном поддерживается более 11 лет, но выполнение других требований резолюций СБ ООН неоправданно затягивается.

По мнению азербайджанцев, это происходит по вине армянской стороны, желающей воспользоваться плодами военной победы и вынудить Баку согласиться с их требованиями в отношении статуса Нагорного Карабаха. Оккупация азербайджанских земель была осуществлена вооруженными силами Армении. Сегодня это особо не скрывается. В представлении Баку согласие на ведение переговоров с Нагорным Карабахом при нынешних условиях неприемлемо по двум причинам. Во-первых, это уводит Армению от ответственности за оккупацию территории другого государства, во-вторых, бескомпромиссное требование признать независимость Нагорного Карабаха делает бессмысленным обсуждение проблемы статуса. Таким образом, на данном этапе прямое включение в переговорный процесс Нагорного Карабаха приведет лишь к бесплодным препирательствам. Это, воз-

можно, отвечает замыслам тех, кто не прочь и дальше тянуть время в надежде, что азербайджанцы свыкнутся с мыслью о потере части своей территории, а мир, наконец, признает это как свершившийся факт.

Однако сказанное не исключает возможность применения отдельного переговорного формата Баку-Степанакерт (Ханкенди), возможно, с подключением представителей азербайджанской общины Нагорного Карабаха. Заявления азербайджанских официальных лиц и политиков о категорическом неприятии представителей Нагорного Карабаха в качестве партнера в переговорном процессе, что отрицает саму возможность диалога с ними, контрпродуктивны и не отвечают цели достижения исторического примирения наших народов.

8. Насколько процесс карабахского урегулирования может быть вписан в контекст формирования новой системы региональной безопасности на Южном Кавказе? Какова в этом перспективная роль НАТО, а также российского и турецкого факторов?

Сложности в урегулировании карабахского конфликта усугубляются еще и тем, что Южный Кавказ до настоящего времени окончательно не определился относительно единого формата собственной системы безопасности. На сегодня имеются две альтернативы: ДКБ - система безопасности под эгидой России, которой придерживается до настоящего времени Армения; и НАТО, о стремлении к интеграции с которой прямо заявила Грузия и, с некоторой осторожностью, Азербайджан. Идея о нейтрализации региона Южного Кавказа, заключении здесь (наподобие Балкан) специального Пакта о стабильности и безопасности с участием России, Турции, Ирана, а также США и ЕС, так и не получила реального воплощения.

Ход событий за последние 10 лет показал, что система безопасности, ориентированная на Москву, неэффективна и, безусловно, проигрывает в сравнении с НАТО. Расширение Североатлантического альянса, принятие в его ряды Болгарии и Румынии, а также вступление в блок, вопреки противодействию России, стран Балтии (Эстонии, Латвии и Литвы) актуализировали вопрос присоединения к НАТО и государств Южного Кавказа. Опросы населения и экспертов показывают, что жители Грузии в вопросе долговременного обеспечения безопасности страны прямо ориентируются на НАТО. В Азербайджане эти настроения проявляются несколько менее ярко, но они также в пользу НАТО. В Армении же в вопросах безопасности население однозначно ориентировано на Россию, однако многие эксперты осознают большую перспективность взаимоотношений с НАТО.

Фактор Турции по-разному воспринимается в столицах государств Южного Кавказа. Баку видит в Анкаре не только влиятельного члена НАТО, но и союзную, братскую страну. Для Грузии Турция - дружественная региональная держава и ценный партнер в модернизации своих вооруженных сил. В Армении на Турцию смотрят сквозь призму трагического исторического прошлого и видят в Анкаре силу, препятствующую планам по окончательному отторжению Нагорного Карабаха от Азербайджана. В отношении к России ситуация противоположная. Для Армении Москва - это стратегический союзник и традиционный защитник, Азербайджан относится к России с явной опаской, но предпочитает с ней не ссориться, а Грузия прямо указывает на Москву как на подстрекательницу сепаратизма и виновницу продолжения конфликтов на своей территории.

Одновременная и согласованная линия на интеграцию в НАТО имеет огромное значение для безопасности Азербайджана и Армении, особенно в контексте карабахского урегулирования. Определенность в таком выборе предполагает реализацию конкретной программы

действий, включающей значительное сокращение численности вооруженных сил, изменение их структуры в соответствии со стандартами НАТО. Одновременно нужно будет осуществить вывод российских войск из стран Южного Кавказа, закрыть используемые ими военные объекты, нейтрализовать полулегальную и законспирированную российскую агентуру (Главное разведывательное управление, Федеральную службу безопасности и др.) и пр. Негативная роль последних в разжигании конфликтов в регионе не вызывает сомнения.

Полноценная интеграция наших стран в НАТО невозможна без урегулирования карабахского конфликта. Следовательно, данная задача является фактором, стимулирующим достижение мирного решения проблемы. Конечно же, НАТО - не панацея от всех споров и острых противоречий между входящими в нее странами. Достаточно вспомнить такие конфликтующие пары среди стран-участниц блока, как Турция и Греция, Испания и Великобритания, Румыния и Венгрия. Однако во всех перечисленных случаях конфликты удается удерживать в политических рамках и не допускать прямых военных столкновений.

9. Как потенциал европейской интеграции может повлиять на отношения между Арменией и Азербайджаном?

Даже первые шаги по пути евроинтеграции оказали позитивное воздействие на отношения между Азербайджаном и Арменией: они наложили на эти государства обязательство действовать только в правовом поле, найти цивилизованные пути разрешения карабахского конфликта. Достаточно вспомнить, что Минская группа, осуществляющая посредническую миссию в урегулировании конфликта, создана по инициативе и действует под эгидой ОБСЕ. Именно Парламентская Ассамблея Сове-

та Европы стала авторитетной европейской политической организацией, которая вынесла на обсуждение армяно-азербайджанский конфликт, ход процесса урегулирования карабахской проблемы. Таким образом, европейская интеграция, если и не приводит к быстрому разрешению существующих в регионе конфликтов, то предотвращает их разрастание, очерчивает рамки урегулирования и оказывает стимулирующее воздействие, придавая процессу позитивную динамику.

Позитивный импульс для поиска компромисса между конфликтующими сторонами может придать стремление наших государств развивать отношения и укреплять сотрудничество с Европейским Союзом в рамках провозглашенной ЕС программы “Европейская политика соседства” (ENP). Европейский рецепт предлагает “растворить” проблему национализма и этнического сепаратизма внутри процесса интеграции всех европейских народов. Хотя баскский, шотландский или корсиканский национализм и сепаратизм все еще дают о себе знать, следует признать, что в объединенной Европе они не выйдут за рамки управляемости. Можно предположить позитивное влияние интеграции Южного Кавказа в ЕС и с этой позиции.

Политики, официальные лица, представляющие конфликтующие стороны, признают, что если перед Арменией и Азербайджаном откроются двери в ЕС, достичь взаимоприемлемого компромисса в карабахском конфликте станет намного легче. В самом деле, в процессе интеграции, а в идеале - вхождения в объединенную Европу с ее общим таможенным, экономическим, валютным, правовым пространством и унифицированным гражданством многие аспекты армяно-азербайджанского конфликта, сегодня кажущиеся трудноразрешимыми, теряют свою остроту и актуальность.

10. Какой из выработанных за последние 15 лет вариантов решения карабахского конфликта представляется вам наиболее реалистичным? Можете ли вы сформулировать свою модель, приемлемую сегодня для сторон, или хотя бы основные принципы, на которых должно строиться урегулирование?

Любой вариант разрешения армяно-азербайджанского конфликта в связи с Нагорным Карабахом может быть реализован лишь при наличии политической воли, восстановления доверия между сторонами, а также при должной поддержке и гарантиях международного сообщества. К сожалению, всего перечисленного выше в достаточном объеме пока нет. Поэтому продолжающийся более 11 лет переговорный процесс буксует и его никак не удается перевести в плоскость конкретных решений и действий.

Самым радикальным, снимающим предмет споров, вариантом является территориальный обмен. Он избавил бы стороны от трудных и длительных переговоров по поводу взаимоприемлемого статуса Нагорного Карабаха. Ведь даже если удастся договориться о статусе, то потом следует быть готовым к бесконечным взаимным претензиям по поводу интерпретации того или иного пункта или параграфа соглашения, соответствия действий сторон взятым обязательствам и пр. При территориальном обмене также отпадает необходимость в разъединительных силах и международных наблюдателях. Однако реализовать данный вариант оказалось невозможным. В первую очередь из-за того, что даже его поддержка со стороны США и Турции не смогла изменить резко негативное отношение к указанному варианту России и Ирана. Роберт Кочарян и Гейдар Алиев, в ходе Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 года почти договорившиеся о

решении проблемы посредством территориального обмена, были вынуждены после расстрела в парламенте Армении и громких отставок в Азербайджане отказаться от этого. Данный вариант сторонами с рассмотрения снят.

“Пакетный” вариант решения был бы также неплох, но требование армянской стороны о признании при этом независимости Нагорного Карабаха (разговоры о “горизонтальных связях” не могут это замаскировать) делает его неприемлемым для Азербайджана. В Баку нет и вряд ли в обозримом будущем появится глава государства, готовый подписать такое соглашение. Необходимое, согласно Конституции Азербайджанской Республики, утверждение статуса Нагорного Карабаха посредством референдума практически невозможно осуществить в сколько-нибудь легитимных формах. Таким образом, ситуация с “пакетным” вариантом тупиковая. Соглашаться на широкую автономию, даже гарантированную международным сообществом (все это было в первом плане Минской группы, отклоненном Ереваном), при нынешнем уровне доверия и отношений между конфликтующими сторонами армяне не желают. Предоставить независимость Нагорному Карабаху или согласиться на передачу этой территории Армении (что фактически и предусматривалось отклоненным Баку третьим планом Минской группы, а также было предметом обсуждений в Париже и Ки-Уэсте) азербайджанская сторона не может и не хочет. В такой ситуации, если исходить из международной практики, именно поэтапный план урегулирования позволяет перейти от бесплодных споров к конкретным договоренностям и шаг за шагом двигаться вперед по пути мира и сотрудничества.

Администрация Роберта Кочаряна, в отличие от сторонников экс-президента Левона Тер-Петросяна, а также официальных властей и многих политиков в Азер-

байджане, выражает холодное отношение к последнему варианту. Понять логику нынешнего президента Армении не так уж сложно. Предположу, что в Ереване опасаются оставить открытым вопрос статуса Нагорного Карабаха, так как не уверены, что в условиях мира и безопасности смогут добиться от Азербайджана большего, чем сейчас, когда у них в руках находится такой козырь, как оккупированные территории. В условиях мира транспортные и энергетические преимущества Азербайджана могут сместить баланс сил в споре по поводу статуса Нагорного Карабаха в пользу Баку, который в обмен на выгоды экономического сотрудничества может потребовать от Армении политических уступок. Согласно такой логике, целесообразным является сразу же вырвать у Баку и зафиксировать в соглашении максимально высокий (по возможности близкий к независимости) статус Нагорного Карабаха, связав решение этого вопроса с возвращением оккупированных районов за пределами границ бывшей НКАО. Армянская сторона нехотя соглашается обсуждать лишь такой вариант поэтапного плана, который временно, до окончательного урегулирования конфликта, оставял бы в их руках некоторые из оккупированных территорий (в армянских СМИ говорится о Кялбяджарском и Лачинском районах) - в качестве залога и своеобразного рычага давления на Баку в будущем политическом торге. Очевидно, что Баку не может подписать соглашение, которое в нарушение резолюций СБ ООН легализовало бы, пусть даже на временной основе, армянскую оккупацию азербайджанских земель.

Имеется ли выход из переговорного тупика? Как человек, давно отошедший от непосредственного переговорного процесса и не имеющий доступа к конфиденциальной информации, могу лишь высказать некоторые предложения, указать направления, в которых есть шанс

нащупать компромисс. Не вызывает сомнений, что наиболее реалистичным вариантом для урегулирования армяно-азербайджанского конфликта все же является поэтапный план. Понятно, что он должен претерпеть определенную модификацию и учесть некоторые принципиальные пожелания сторон. Так, наряду с освобождением всех оккупированных территорий за пределами Нагорного Карабаха в обмен на гарантии безопасности и невозобновления военных действий, а также открытие транспортных коммуникаций, может быть определен еще и “временный статус” для Нагорного Карабаха. Это как-то легализует нынешнюю администрацию Нагорного Карабаха и позволит ей вступить в прямые переговоры с Баку по поводу определения окончательного статуса, по вопросам возвращения перемещенных лиц, восстановления коммуникаций, сотрудничества и пр. Плюсом “временного” статуса является и то, что, закрепленный соглашением сторон, он не подлежит утверждению референдумом. Статус, хоть и “временный”, но позволяет поддерживать (до нахождения взаимоприемлемых окончательных решений) те особые отношения, которые уже сложились между Нагорным Карабахом и Ереваном. Главное - вывести армяно-азербайджанские отношения из нынешнего состояния взаимной враждебности в позитивную плоскость, придать им динамику. Субординационные отношения между Нагорным Карабахом и Баку сегодня неприемлемы для армян. Однако в атмосфере, когда отступят угрозы безопасности, возобновятся контакты и начнется сотрудничество, возникнут элементы доверия, эта жесткая позиция может обрести компромиссные формы. В контексте приветствуемой всеми на Южном Кавказе евроинтеграции такая перспектива вполне реальна.

Что же касается возвращения оккупированных территорий за пределами границ бывшей НКАО, то сам про-

цесс передачи может осуществляться по согласованному графику. В части Кялбяджарского и Лачинского районов он может быть увязан с достижением согласия по порядку функционирования и маршруту транспортного коридора, по которому будет поддерживаться бесперебойная связь Нагорного Карабаха с Арменией.



АРИФ АЛИЕВ

Родился 31 августа 1960. В 1983 окончил факультет журналистики Московского Государственного университета. В 1983-1986 работал корреспондентом Государственного информационного агентства Азербайджана. В 1986-1988 являлся редактором отдела в газете “Молодежь Азербайджана”. В 1988-1990 был главным редактором журнала “Хазар” и заместителем главного редактора газеты “Азадлыг”. В 1990-1992 работал директором информационно-издательского предприятия “Туран” и главным редактором газеты “Свобода”. В 1992-1993 возглавлял пресс-службу Президента Азербайджанской Республики. В 1993-1995 был главным советником газеты “Азадлыг”, преподавал на факультете журналистики Университета “Хазар”.

С 1995 по настоящее время является председателем Объединения журналистов Азербайджана “Ени несил”. С 1998 - президент Бакинского пресс-клуба. С 2005 работает главным редактором газеты “Гюн-саар”. Член Совета прессы Азербайджана. Автор 9 книг по журналистике. Руководитель 20 с лишним проектов, реализованных в Азербайджане в области СМИ.

■

СТАРАЯ ПЕСНЯ О ГЛАВНОМ

“Живые” контакты между журналистами Азербайджана и Армении начали активизироваться с 1996 года. Конечно, они происходили и до этого: представители СМИ время от времени встречались на конференциях, семинарах, обменивались короткими, оскорбительными выпадами, после чего каждый возвращался домой с привкусом “маленькой, но важной победы” и рассказывал обществу, как он на глазах у представителей 12 (24, 36 и так далее) стран посадил на место зарвавшегося врага, доказав всем правоту и справедливость требований армян или азербайджанцев.

С момента налаживания регулярного непосредственного общения эта агрессивность, абсолютное неумение и нежелание хотя бы прислушаться к аргументам противоположной стороны постепенно уменьшаются. Но, как ни парадоксально, вместе с ними тает и энтузиазм, порожденный надеждой на решение карабахской проблемы в какие-то разумные сроки и на то, что встречи неформалов, в том числе журналистов, их обсуждения, совместные мероприятия, инициативы, усилия могут повлиять на ситуацию, что-то изменить в лучшую сторону. И тут вспоминаешь об иллюзиях, которые питают эти два общества, разделенные минными полями и рискующие еще больше отстать от процессов, происходящих сегодня в глобальном мире.

История - плохой свидетель и худший судья

Начнем с первой иллюзии. Ее можно назвать и исторической химерой. Призывы к восстановлению справедливости, обосновываемые тезисами типа “эти земли испокон веков принадлежали азербайджанцам, а российская

империя заселила сюда армян, чтобы выжить их с Кавказа”, или “армяне - всегда составляли здесь большинство, а коварные коммунисты передали территорию в управление азербайджанцам, чтобы те вытеснили армян с этих земель”, не выдерживают критики даже с точки зрения чисто исторического подхода к проблеме. Во всех этих тезисах есть доля правды. Возможно ее даже больше, чем хотелось бы - с учетом перспективы региональных взаимоотношений. Но какую дату нам выбрать в качестве отправной точки для своих изысканий? Армянам для обоснования заранее выбранной позиции выгодны одни факты, нам, азербайджанцам - другие. Соседи - иранцы и русские - также запаслись необходимыми картами, свидетельствами, относящимися к не менее древним периодам.

Ознакомившись с исторической справкой, подготовленной экспертами, с их анализом этого аспекта проблемы, я еще раз убедился: история не годится на роль свидетеля в подобных конфликтных и спорных ситуациях. Тем более, на роль судьи. У каждой стороны-участницы конфликта, как минимум, по 20 доказывающих ее правоту источников, причем иногда относящихся к одному и тому же периоду времени. Да что говорить об исторических свидетельствах, если даже современники, анализирующие причины возникновения карабахского конфликта, при непосредственном общении говорят одно, а когда пишут, получается совсем другое. Между прочим, через несколько десятков лет эти труды тоже вполне могут сойти за исторические документы.

Дерево, растущее наоборот, или где же корни конфликта?

Итак, принцип подсчета “мертвых душ” - где, когда и сколько проживало, кого и в каком количестве куда переселяли или выселяли - плохо подходит для понимания

причин карабахского конфликта и поиска путей его решения. Потому что конфликт этот менее всего можно обозначить как территориальный: это идеологический, геополитический, если хотите, ментальный конфликт. Он напоминает дерево, растущее наоборот - сверху вниз: его корни находятся в нас, в сегодняшних реалиях, и лишь ветви уходят в прошлое, в историю.

Корни - это политические интересы, борьба за власть, жесточайший конфликт между старым мышлением и новыми подходами к государственно-правовым системам.

Была ли альтернатива эскалации конфликта на различных его этапах? Конечно, была. Причем, в качестве полумер сгодились бы и те варианты, которые предлагаются нашими экспертами. Но лишь в качестве полумер. Ведь достигнутые соглашения (1990, 1992, 1993) нарушались не потому, что вероломство армян (или азербайджанцев - смотря кто и какой конкретный случай приводит в качестве примера) не имеет предела, а потому, что этого требовала не доведенная еще до завершения логика конфликта: борьба за власть и за сохранение влияния в регионе. Методы и приемы, которые применяются в этой борьбе, с одной стороны, предполагают обязательное наличие подобного конфликта как благоприятного фона. С другой - они просто-напросто не годятся для решения таких проблем, как карабахская.

В подтверждение своей мысли, кстати, не очень оригинальной, приведу цитату из текста азербайджанского эксперта: “Второразрядные коммунистические функционеры из провинциального НКАО (...) и их сторонники возвысились до ранее немыслимых для них высот - возглавили власть в Армении.” И добавлю: не зря в Азербайджане, упоминая главные фазы карабахской войны - ходжалинскую трагедию, сдачу Шуши и потерю Кельбаджара, говорят о предательстве. После каждого из этих событий происходила смена власти. Так продолжалось

до тех пор, пока к ней не вернулся настоящий хозяин.

Одним словом, альтернатива эскалации конфликта была. Но, несмотря на все усилия, она оказалась неосуществимой. Потому что армяно-азербайджанское противостояние было не основным, а, скорее, побочным фактором в этом конфликте. Ядро же его составляли (и по сей день продолжают составлять) борьба за власть в двух республиках, стремление крупных мировых держав сохранить или установить свое влияние в регионе. Эта борьба пока не завершена. Да и бой за влияние еще продолжается. Посмотрите, как подытоживает свой анализ армянский эксперт: “(...) Причина нерешенности конфликта - в недемократичности властей Армении и Азербайджана, а также в (...) искаженной сути конфликта.” А азербайджанский эксперт, перечисляя необходимые условия для решения конфликта, отмечает: “(...) Эффект можно будет получить (...) только тогда, когда посредники станут последовательными и принципиальными, будут исходить не из интересов представляемых ими государств (...).”

Значит, на сегодняшний день говорить о выигрыше какой-либо из противоборствующих сторон пока рано. Можно только проверить оставшиеся “фишки”, подсчитать потери: Азербайджан потерял почти пятую часть своих земель (или шестую, смотря кто считает) - сегодня они контролируются армянскими силами. Армения потеряла почти половину населения (или треть, опять-таки, смотря кто считает) - оно покинуло страну, не выдержав тяжких условий жизни. Вот и сравнивай, что главнее: земли или люди? Добавь сюда большие экономические потери, крупные военные расходы, постоянный страх за свою жизнь, сотни тысяч людей, проживающих в приграничной (точнее, прифронтовой) полосе, отсутствие серьезных демократических реформ - и ответ ясен.

Что (кто) нас разъединяет, или могут ли армяне и азербайджанцы жить вместе?

Мне трудно согласиться с армянским экспертом, когда он пишет, что история и культура являются факторами, разъединяющими азербайджанский и армянский народы. Или с тезисом, что одно из наиболее часто озвучиваемых оснований, “в силу которых карабахские армяне не считают возможным жить в составе Азербайджана”, заключается “в негативном историческом опыте проживания армян под административным управлением Азербайджана”. С одной стороны, почему и каким образом “исторический опыт” армян в Баку или Гяндже так резко отличается от “исторического опыта” карабахских армян, которые на самом деле имели большую степень защищенности: худо-бедно, у них была автономия и много представителей в этом самом административном управлении? Но волну протеста подняли не армяне, проживающие в Баку и Гяндже, хотя в результате конфликта именно они больше всех и пострадали, а армяне Карабаха. С другой стороны, любой исторический опыт имеет как негативную, так и позитивную составляющие. Все зависит от того, какая из них под воздействием совершенно конкретных и целенаправленных усилий в данный момент “оживляется” и закрепляется в виде стереотипа.

Я не полемизирую, а пытаюсь, опираясь на результаты проделанной трехлетней работы, проанализировать: почему армяне в Карабахе не хотят жить в составе Азербайджана, а Азербайджан не соглашается предоставить им независимость?

Автор этих строк неоднократно посещал и Ереван, и Карабах после установления режима прекращения огня. Причем в то время, когда эта самая “историческая па-

мять”, казалось бы, еще живьем стучала в висках. Практически нигде не встречаясь с открытой враждебностью (кроме как со стороны некоторых представителей власти), я видел тягу к общению, стремление к налаживанию отношений. Спокойно проводил пресс-конференции в забитых до отказа залах, говорил то же, что у себя в Баку. Точно так же принимали армянских журналистов в Азербайджане. Телевизионщики из Нагорного Карабаха ходили по городскому бульвару, расспрашивали людей, брали у них интервью. Никто на них не нападал, не оскорблял. Представители армянских СМИ участвовали в праздновании Дня национальной журналистики в Баку.

Чем же все это закончилось? Во время пребывания в Баку одного армянского правозащитника на него в аэропорту налетел отчаянный молодой человек, ударил. Телекамеры, как нельзя кстати, оказались рядом. Остальное было делом техники: кадры крутили по телеканалам, общественность негодовала, поднялась ответная реакция, и... “негативная историческая память” быстро ожилилась.

Конечно, не все так просто. За всем этим стоят сложные механизмы, серьезные службы, большие интересы. Но, предельно упрощая ситуацию, я хочу еще раз подчеркнуть: армяно-азербайджанский конфликт - это менее всего исторически-территориальный, а более всего политический конфликт, огонь которого раздувался и поддерживается конкретными методами и с конкретными политическими целями.

Таким образом, тезис о невозможности совместного проживания армян и азербайджанцев в пределах одного государственного образования не выдерживает критики. Прямо или косвенно, это подтверждается и ответами тысяч граждан, с которыми мы общались во время опросов, работы в фокус-группах, на конференциях, семинарах, дебатах и т.д.

Лимит потенциала “народной дипломатии” исчерпывается. Все зависит от властей

Приведенный выше невеселый пример подводит нас к еще одной очень серьезной теме, анализируемой экспертами: имеющимся ресурсам мирного урегулирования, в частности, роли “народной дипломатии” и СМИ в решении конфликта.

Конечно же, правы наши эксперты, отмечая высокую степень важности каждого из этих факторов для установления доверия между конфликтующими сторонами. Есть только одно “но”: эффективность приложения указанных ресурсов зависит от того, хотят ли власти воспользоваться ими, имеют ли результаты деятельности “народных дипломатов” и журналистов хоть какое-то влияние на официальный ход переговорного процесса. К сожалению, это “но” в конечном итоге перевешивает любые достижения неправительственных структур.

Люди, первое время с надеждой следившие за телемостами Баку-Ереван, поездками друг к другу энпэошников, журналистов, правозащитников, в последние годы с раздражением читают сообщения о новых совместных проектах. Они видят, что эти контакты, проекты, предложения не способны смягчить хоть одну черту на суровом лице государственных мужей, ведущих переговоры и вот уже более 10 лет обвиняющих друг друга в одних и тех же грехах: неконструктивность, неготовность к компромиссам, неспособность реально оценить ситуацию. Формируется мнение, что “народная дипломатия” служит не сближению, а сдаче позиций. Создается образ “внутреннего врага”, опять же широко используемый в борьбе за власть. (Эта знаменитая фраза: “Льющий воду на мельницу врага”!) Чрезмерно политизированная пресса (и даже та ее часть, которая задействована в совместных региональных проектах), будучи полностью за-

висимой от своих заказчиков, обречена на исполнение их воли. Особенно опасно проявлять инициативу по поводу решения армяно-азербайджанского конфликта для оппозиции: она рискует быть обвиненной в популизме, а в худшем случае - в предательстве. Это и отмечают наши эксперты, говоря, что “власти (...) пытаются монополизировать проблему НК и внедрить в сознание граждан страны, что лишь они способны решить ее (...) в интересах народа”.

Из сказанного можно сделать заключение: “гражданский потенциал” в этом вопросе имеет свой лимит, и он почти исчерпан. Этот потенциал может возрасти лишь по мере увеличения влияния неправительственного сектора и средств массовой информации на власть, а не вследствие интенсификации армяно-азербайджанских неформальных контактов. Пока нет реального продвижения в переговорном процессе, роль “народной дипломатии” и гражданских институтов в решении карабахской проблемы останется весьма ограниченной. Однако малейшее подобное продвижение может вызвать взрыв активности неправительственных организаций и социальных групп, которые в деле восстановления доверия между конфликтующими сторонами смогут сыграть большую роль, чем даже само правительство.

Таким образом, попытки наших экспертов найти объяснения, почему так долго нет никаких результатов в процессе урегулирования карабахской проблемы и всего комплекса армяно-азербайджанских взаимоотношений, перекликаются: во-первых, нет должной заинтересованности местных руководителей, многие из них могут лишиться серьезных рычагов управления внутренней ситуацией и даже власти; во-вторых, сохранение конфликта на руку крупным геополитическим силам, имеющим конкретные интересы в регионе. Развязывание карабахского узла может дать серьезный толчок демократическому и экономическому развитию всего Южного Кавказа. А нашим большим соседям, к сожалению, не хочется

иметь под боком или под брюхом такую “демократическую занозу”. В те моменты, когда Западу вроде бы удалось склонить стороны к какому-то варианту урегулирования и мы оказывались на пороге важнейших событий, то Азербайджан, то Армению сотрясали крупные катаклизмы. В 1993, когда стороны уже обсуждали детали ввода в зону конфликта миротворческих сил во главе с финским генералом, в Гяндже произошло восстание, коренным образом изменившее ход событий. Наметившийся прорыв в переговорном процессе в 1999 был надолго остановлен расстрелом государственных деятелей в армянском парламенте.

Если в власть вдруг захотела...

Давайте предположим, что власти обеих стран искренне хотят развязать карабахский узел. Каковы возможные рамки поиска путей урегулирования конфликта?

Имеются два кардинальных варианта решения проблемы: либо Азербайджан предоставляет Нагорному Карабаху полную независимость, и тот строит свою жизнь как хочется и может, либо же Нагорный Карабах остается в составе Азербайджана, получает ряд гарантий безопасности и свободного развития, и мы совместно налаживаем жизнь. Промежуточные модели, которые приводят в этой книге наши эксперты, в том числе вариант территориального обмена, с повестки сняты.

Почему Азербайджан не хочет предоставить Нагорному Карабаху независимость? По-моему, азербайджанский эксперт дает очень точный ответ на этот вопрос. Оставим в стороне все патриотические, психологические мотивы и воззвания, типа “а за что наши сыновья головы сложили?” Согласие на независимость Нагорного Карабаха для азербайджанской государственности равносильно самоубийству. Это означает, что в ближайшем будущем страна может получить не менее серьезные проблемы на юге, на севере, на юго-западе своей территории.

Вторая причина. Чтобы понять ее суть, дополним вопрос: “Почему Азербайджан не может дать независимость Нагорному Карабаху?”, - рядом других вопросов. Почему Литва не согласилась дать независимость полякам? Англия - северным ирландцам? Иран - южным азербайджанцам? Грузия - абхазам? Испания - баскам? Россия - чеченцам? Потому, что территориальная целостность является одной из важнейших составляющих государственности, одним из основополагающих международных принципов мирного сосуществования. Можно, конечно, усомниться в правомерности подобного сравнения, утверждать, что нельзя проводить параллели между этими странами и случаями. Но это будет неправдой. Потому что природа явления, с которым мы имеем дело, всюду одинакова. Разница лишь в причинах его возникновения, в формах достижения цели, в культуре и мышлении сторон-участниц конфликта. Во всех случаях речь идет не просто о разделе земель, а о расчленении живого, многофункционального, очень чувствительного организма, называемого государством. Я понимаю, почему советская армия на самом начальном этапе карабахского конфликта в течение буквально нескольких дней организованно вывезла из Армении 200 тысяч азербайджанцев, компактно проживавших на северо-востоке и востоке страны. Эту цифру в Армении оспаривают. Пусть будет 150, 120 тысяч. В любом случае, в количественном отношении их было значительно больше армян, компактно проживающих в Нагорном Карабахе. И проблем у них было не меньше. Но если бы этих людей тогда оставили в их домах, развитие конфликта приняло бы совершенно иной оборот. Не нужно особой фантазии, чтобы представить себе ответ Армении на вопрос: “Почему она не может предоставить независимость азербайджанцам, компактно проживающим на довольно большой части территории страны и не желающим оставаться в прямом подчинении у ереванской администрации?”

История не терпит сослагательного наклонения. Однако подобная постановка вопроса может помочь понимание позиции азербайджанской стороны.

Но есть и другая позиция. Армяне Нагорного Карабаха не хотят жить в составе Азербайджана, считая это невозможным. Почему? Азербайджанский эксперт представляет свое понимание этих причин: сказывается синдром победителя - мы выиграли войну, почему бы миру не признать реально сложившееся обстоятельство; жесткая линия лидеров - у политического руля находятся люди, которых именно эта война и борьба за независимость привели к власти; психологический барьер - выросло поколение, которое не видело и не представляет совместную с азербайджанцами жизнь. Армянский эксперт отмечает другие факторы: негативный исторический опыт и надежду на пересмотр основополагающих международных норм - на то, что принцип территориальной целостности когда-то потеряет свое сегодняшнее значение.

О негативном историческом опыте мы уже говорили. И чтобы получить возможность “зреть в корень” вопроса, решили в этой части не рассматривать патристические, психологические мотивы, влияющие на поиск решения проблемы. Они иногда настолько глубоко прячут истинные причины конфликта, что докопаться до сути становится чрезвычайно сложно. Что же касается позиции властей, мы условились: будем считать, что власти действительно искренне хотят развязать карабахский узел. А надежда на пересмотр основополагающих международных норм является, скорее, показателем стремления добиться политической цели, нежели желания устранить главную причину конфликта.

Но остается еще один очень серьезный фактор, неоднократно упоминаемый нашими экспертами: вопрос безопасности. Армяне Нагорного Карабаха не верят в возможность создания для них надежной системы гарантий при сохранении какой-то формы подчиненности Баку.

И тут уже говорит не историческая, а “живая память”: ночные налеты бомбардировщиков, пальба из пушек, установленных в Шуше, жизнь в укрытиях, угрозы азербайджанских военачальников выжить из Карабаха всех армян. В Нагорном Карабахе, да и в Ереване, не доверяют Азербайджану, считая, что каждое его предложение, включая самую широкую форму автономии, является лишь пропагандистским ходом.

Оптимистическая трагедия

Самая ценная часть суждений экспертов - это их ответы на последний вопрос: “Можете ли вы сформулировать модель, приемлемую сегодня для сторон, или хотя бы основные принципы, на которых должно строиться урегулирование?”

И Расим Мусабеков, и Степан Григорян строят свои предложения на основе “поэтапного плана” урегулирования конфликта. Он кажется на сегодняшний день единственным реалистичным, поскольку ни одна из сторон не имеет ни политической воли, ни инструментария, ни доверия друг к другу и даже возможности одновременно найти ответы на множество вопросов, накопившихся за полтора десятка лет войны и жесткого противостояния.

Принцип, предлагаемый обоими и наиболее четко сформулированный армянским экспертом, позволяет не противопоставлять, а увязать друг с другом две главные проблемы: территория (что действительно важно для Азербайджана) и безопасность (что действительно важно для Нагорного Карабаха). Эксперты осознают, что их предложения нельзя назвать моделью, но, добавив сюда ряд недостающих элементов, по возможности конкретизировав главные моменты, согласовав несопадающие взгляды, можно выстроить общую конструкцию такой модели. (Возникает мысль: может быть, единая армяно-

азербайджанская команда экспертов с помощью тех же французских, русских и американских специалистов за эти годы смогла бы добиться значительно большего результата в разработке модели решения карабахской проблемы, чем вся Минская группа с ее бесконечными визитами, новыми и новыми предложениями и неугасающим оптимизмом? Не было практически ни одного года, чтобы сопредседатели Минской группы не объявили следующий решающим!)

Но может ли заработать такая модель?

Завершу цитатой из текста азербайджанского эксперта, которая возвращает нас к реалиям сегодняшнего дня: “Любой вариант разрешения армяно-азербайджанского конфликта в связи с Нагорным Карабахом может быть реализован лишь при наличии политической воли, восстановления доверия между сторонами, а также при должной поддержке и гарантиях международного сообщества. К сожалению, всего перечисленного выше в достаточном объеме пока нет.”

А пока высокопоставленные дипломаты, о конкретном содержании переговоров которых нам мало что известно, выходя к журналистам, продолжают петь старые песни о главном. 13-ая встреча Совета министров иностранных дел ОБСЕ состоялась совсем недавно, в начале декабря 2005. Министр иностранных дел Армении Вардан Осканян на этой встрече однозначно заявил: “Карабах отделился в соответствии и согласно законам.” Министр иностранных дел Азербайджана Эльмар Мамедьяров тревожно отметил: “Создавшееся положение нас никуда не ведет, а терпение иссякает.” Стивен Манн, представитель США в Минской группе ОБСЕ, оптимистично завершил: “В будущем году мы можем ожидать большие подвижки в урегулировании карабахского конфликта.”



БОРИС НАВАСАРДЯН

Родился 1 января 1957. В 1979 окончил факультет журналистики Ростовского Государственного университета. В 1979-1987 работал корреспондентом, заведующим отделом газеты “Комсомолец”. В 1987-1990 являлся лектором, инструктором Ереванского городского комитета Компартии Армении. В 1990-1991 работал заместителем главного редактора (ответственным за выпуск на русском языке) газеты “Айастан Анрапетутюн” / “Республика Армения”. В 1990-1995 был главным редактором газеты “Зеркало”, а в 1991-1994 - информационного агентства “Арменфакс”. В 2000-2002 преподавал в Ереванском Государственном университете, Российско-Армянском (Славянском) Государственном университете и Ереванском Государственном лингвистическом университете им. В.Я.Брюсова. В 2002-2006 являлся председателем правления Фонда Содействия-Армения Института Открытого Общества.

С 1995 по настоящее время является президентом Ереванского пресс-клуба. С 2005 - член группы специалистов “Свобода слова и информации в кризисных ситуациях” Совета Европы. Под его руководством увидели свет около 30 книг по журналистике. Автор многочисленных публикаций и телепередач, руководитель свыше 40 проектов в области урегулирования конфликтов, журналистики, развития СМИ и гражданского общества.

ПОЛИГОН ДЛЯ ВРАЖДЫ ИЛИ ОБЩАЯ ПРОБЛЕМА?

Каждый раз, обращаясь к карабахской теме, рискуешь включиться в многолетнюю полемику “на чьей стороне справедливость и право?”, “кто первый начал?”, “чьи ссылки на историю более обоснованы?” и т.д., и т.п. Наверное, эти споры не лишены смысла, но не хотелось бы рассматривать эту книгу как их продолжение. Во-первых, ее соавторы вряд ли придумали бы новые проармянские или проазербайджанские аргументы, а тиражирование старых не было нашей целью. Во-вторых, прошедшие годы показали, что доводы одной стороны крайне редко убеждают противоположную. Как следствие, их накопление не приближает к компромиссу, а наоборот, укрепляет решимость оппонентов стоять на своем.

Все излагаемое ниже - результат попытки не быть стороной, посмотреть на карабахский конфликт как на общую проблему армян и азербайджанцев, проанализировать его истоки, сегодняшнее состояние и перспективы разрешения, отталкиваясь от интересов людей, независимо от национальности. Неоценимую помощь в написании этих комментариев оказали своими ответами на вопросы политологи Степан Григорян и Расим Мусабеков.

“Отсроченный” конфликт

Оба эксперта, практически, единодушны в ответе на вопрос: “Кому был нужен конфликт, и кто в его результате выиграл?” Григорян полагает, что “карабахское движение в НК и Армении с момента своего зарождения в феврале 1988 года несло в себе мощный демократический заряд, который мог способствовать предотвращению эскалации конфликта”. Однако использованию этого шанса помешала “заинтересованность высшего руковод-



ства СССР в наличии конфликтных ситуаций на своей периферии. Конец 80-х годов ознаменовался системным политическим и экономическим кризисом коммунистической империи, и по установившейся советской традиции Кремль решил удерживать ситуацию за счет столкновения друг с другом различных этнических, религиозных и социальных групп". О "провокационной, деструктивной роли определенных кругов в Москве" говорит и Мусабеков, указывая на "идеологов и проводников старой как мир имперской политики "разделяй и властвуй", цель которых была проста: "довести дело до прямых столкновений и превратить их (армян и азербайджанцев - **Б.Н.**) в заложников имперского благорасположения центра".

Единство взглядов относительно ответственности Москвы свойственно многим политикам и аналитикам из либерально-демократического лагеря как в Армении, так и в Азербайджане. Оно содержит в себе определенный конструктивный заряд, поскольку помогает сближению, смещает представление о "враге". На этом может строиться начало диалога. Людям легче разговаривать, когда собеседник не ассоциируется с погромами, сожженными и разграбленными селами, многомесячными бомбардировками. С обеих сторон в диалоге участвуют жертвы некоего коварного заговора, совместно ищущие выход из кризиса.

Причем такая своеобразная взаимная реабилитация присуща не только представителям политических сфер, но и широкой общественности. Вспоминается высказывание простого азербайджанца в нашумевшей в 1988 передаче Генриха Боровика "Позиция", посвященной карабахскому конфликту. Монолог звучал примерно так: "Мы, армяне и азербайджанцы, так хорошо жили, этот конфликт создал кто-то третий. И кто этот третий - не знаю!"

"Третьего" в зависимости от политических вкусов и ориентации можно искать в разных частях света. В иных кругах можно услышать вполне складную версию о том, что в конце 80-х Запад, будучи заинтересованным в ослаблении СССР (о стремительном распаде, возможно, тогда не думали, но и не сильно переживали, когда получилось), поддерживал любые альтернативные коммунистическому режиму движения и, в первую очередь, националистические как наиболее эффективные в советских условиях.

Скорее всего, и "кремлевская", и "западная" версии имеют право на жизнь. Более того, они не исключают друг друга. В контексте карабахской проблемы можно говорить о множестве факторов, обусловивших возгорание и эскалацию конфликта.

При отмеченном выше позитивном эффекте поиска виноватых на стороне он способен вместе с тем стать препятствием для нахождения решений. Во-первых, внешние силы всегда и во всех ситуациях пытаются использовать возникающие противоречия в собственных интересах. И выходить из трудного положения необходимо, воспринимая их как неизбежную данность. Во-вторых, акцентируя внимание на внешних факторах и сокрушаясь, что живем не в Океании или на Марсе, мы и избавления ждем со стороны. И если первый этап - завязывание разговора - азербайджанцам и армянам за счет обвинений "третьего" удастся, то продолжение - совместный поиск выхода из лабиринта - никак не следует.

Весь малопродуктивный процесс урегулирования иллюстрирует бесперспективность подходов, когда обвинения в зарождении конфликта и недостатке результативных усилий по его разрешению адресуются мировым державам, ООН, ОБСЕ, кому угодно, только не самим себе. Между тем без определяющего участия наших обществ, государственных институтов, элит конфликт бы

не вспыхнул, и от их же активности, заинтересованности зависит его преодоление. Необходимо отказаться от ожидания чуда извне. Ведь даже если весь мир, оставив прочие заботы, решит за армян и азербайджанцев их задачу, еще не факт, что это навязанное решение будет в интересах всех или хотя бы одной из непосредственно вовлеченных сторон.

Возвращаясь к столь “удобным” ссылкам на “руку Москвы”, отмечу, что оказавшийся перед угрозой распада СССР Центр готов был поджечь ситуацию не только на Южном Кавказе, но и в Прибалтике, в Украине, других регионах. Где-то не получилось, где-то получилось, но не очень. Где-то кризис сохраняется, но выход из него очевиден и дело только за временем, а где-то, не дай Бог, главные проблемы, возможно, еще впереди. С Карабахом все произошло и происходит столь трагически потому, что у этого конфликта своя внутренняя специфика, а не из-за какой-то особенно зловещей роли внешних сил. Даже когда речь заходит о геополитических факторах, глобальных социально-экономических и историко-культурных процессах, подпитывающих конфликт, мы должны учитывать, что имеем дело с их преломлением сквозь призму конкретных условий и взаимоотношений в нашем регионе.

Эксперты называют некоторые из специфических обстоятельств, лежащих в основе карабахского конфликта: “негативный исторический опыт проживания армян под административным управлением Азербайджана” (Степан Григорян); “крайние националисты делали ставку на эскалацию взаимной ненависти, различные околовластные группы стремились воспользоваться ситуацией для прорыва, либо возвращения к власти, атмосфера насилия, общественной нестабильности была весьма благоприятна для мафиозных, криминальных групп, так как позволяла прятать концы прошлых, настоящих и будущих преступлений” (Расим Мусабеков).

Оба едины во мнении, что конфликт порожден также национальной политикой в бывшем Советском Союзе. Мусабеков отмечает, что массовые выселения и прочий произвол создавали впечатление, что можно “оттяпать” кусок у одной республики и отдать его другой. Григорян говорит об искусственном изменении демографической ситуации и опасениях карабахцев, что их ожидает судьба нахичеванских армян.

На советской национальной политике лежит, конечно, огромная ответственность как за карабахский, так и за многие другие конфликты на территории бывшего СССР. Но для понимания природы армяно-азербайджанской вражды следует заглянуть глубже, в начало XX века. Практически во всех странах, где капитал оказывался разделенным между представителями разных общин, возникало противостояние националистически настроенных элит. Стремясь максимально расчистить себе поле деятельности, выбить с рынка представителей иных национальностей, конфессий, субъекты экономики активно использовали в конкурентной борьбе ксенофобию.

В этом смысле взаимоотношения армян и азербайджанцев складывались в контексте обострения армяно-турецких противоречий периода заката Османской империи. Как утверждает Расим Мусабеков, одной из причин враждебности армян в отношении азербайджанцев является идентификация последних с турками и автоматический перенос на них всех сопутствующих негативных эмоций. Принимая справедливость этого суждения, отмечу, что и сами азербайджанцы нередко идентифицируют себя с турками или, по крайней мере, свои интересы с турецкими. Основные причины вражды связаны с распространением в регионе со второй половины XIX века идеологии национального государства, точнее, ее радикальной версии. Для доминирующей национально-религиозной общины она означала ассимиляцию мень-

шинств или полное подчинение их интересов. Для меньшинств - изменение соотношения сил в свою пользу или получение независимости, формирование собственного, защищенного от “чужаков” рынка и других атрибутов национальной государственности. Так начинались многие кровопролитные конфликты и войны.

Переплетение армяно-турецких и азербайджано-армянских противоречий зарядило карабахский конфликт дополнительными взрывными составляющими. Более того, если сравнить нынешнее освещение геноцида 1915 в азербайджанских и турецких СМИ, приходишь к выводу, что первые явно превосходят вторых в категоричности, неприятии армянской позиции. И дело здесь не только в уровне плюрализма и профессионализма прессы, но и в общественных настроениях в целом. Турецкое общество сегодня более раскованно и склонно к поиску общей платформы с армянами, чем азербайджанское, которое эта проблема, вроде, непосредственно не затрагивает.

К перечню основ карабахского конфликта можно добавить и ряд иррациональных моментов, присущих отношениям армян и азербайджанцев: особое чувство национальной гордости, престижа. Это чаще встречается у соседей, лишенных самостоятельности, живущих в тесных связях, но концентрирующихся на собственной идентичности. Не имея условий для самореализации в государственном строительстве, полноценном участии и осознании себя в мировых процессах, они выплескивают всю энергию на соперничество друг с другом, которое проявляется в самой неожиданной, порой жестокой форме.

В советский период буржуазный национализм был подавлен, но не искоренен. Скорее, законсервирован. Лишенный возможности развиваться естественным образом и отживать свое под влиянием новых исторических реалий, он костенел, приобретал извращенные формы.

Местный (не общесоветский) патриотизм то становился объектом самого жестокого преследования, то сознательно реанимировался для достижения задач советской империи. Так, в годы Отечественной войны активно эксплуатировались память о национальных героях, исторических событиях, чувства и инстинкты, которые поднимали русский, грузинский, казахский и т.д. патриотический дух. При этом, в качестве вдохновителей на борьбу с общим врагом для представителей разных народов могли использоваться символы, антагонистичные друг другу. Образы русского покорителя новых земель и противостоявшего ему вождя национально-освободительного движения решали общую идеологическую задачу.

Национализм достаточно интенсивно проявлялся в поведении представителей коммунистических элит. Оставаясь на словах интернационалистами, лидеры республик нередко и весьма последовательно реализовывали узконациональные программы, вели подковерную борьбу друг с другом. Конкуренция, соперничество происходили не напрямую, а через Москву как высшего судию: кто лучше отрапортует о выполнении пятилетнего плана и выбьет у Центра переходящее Красное Знамя победителя социалистического соревнования, разнообразие блага и инвестиции. Эта привычка не видеть друг друга при решении важных задач сильно помешала диалогу коммунистических лидеров Армении и Азербайджана, когда разгорелся конфликт. Трудно допустить, что им было безразлично будущее региона, горе и несчастье соотечественников. Но неумение улаживать какие-либо вопросы, минуя Москву, и сама система, предполагавшая преодоление любых противоречий посредством апелляции к Кремлю, сделали их абсолютно беспомощными.

Характерной чертой национализма советской эпохи было и то, что общественность каждой республики замечала его у других, но никак не у себя. Довольно расп-

ространенным явлением в Азербайджане было называть представителей армянской коммунистической элиты “дашнаками”. А в Армении с такой же легкостью наклеивали ярлык “мусаватисты” на наиболее авторитетных представителей Советского Азербайджана. Тем самым подчеркивалась преемственность националистических устремлений у элит досоветского и советского периодов. Подозревая соседей - порой не без оснований - в намерениях получить что-то за счет других, и армяне, и азербайджанцы объясняли собственный этноцентризм вынужденной ответной реакцией.

Рецидив такого подхода проскальзывает у азербайджанцев и сейчас, когда они говорят, что карабахским армянам жилось даже лучше, чем населению других регионов Азербайджана, и что отнюдь не проблемы, вызываемые несправедливостью, подняли их на борьбу за выход из состава этой республики. По мнению Расима Мусабеева, главную роль, наряду с имперской политикой Москвы, сыграли “экспансионистские настроения националистической армянской элиты”. На мой взгляд, коллега упускает из виду непреложный факт: там, где социально-экономическая неудовлетворенность усугубляется национальными противоречиями, страхами, она ощущается наиболее остро. Кроме того, нельзя недооценивать особо скрупулезное внимание национального меньшинства к тенденциям в стране (в данном случае союзной республике) проживания. А оснований для тревоги у армян в Азербайджане было достаточно.

Последовавший за хрущевской оттепелью подъем национального самосознания армян в середине 60-х сопровождался агрессией в отношении проживавших в республике азербайджанцев. Несколькими годами позже националистические настроения в очередной раз активизировались в Азербайджане. Новый лидер республики Гейдар Алиев проводил политику “азербайджанизации” всех сфер жизни: от кадровой перетряски системы уп-

равления до комплектации футбольных команд. Если сравнить составы бакинского “Нефтяника” “бронзового” 1966 и “Нефтчи” (смена названия также отражала суть процесса), скажем, 1972 - контраст будет очевиден.

Всплески антиармянских и антиазербайджанских кампаний соответственно в Советском Азербайджане и Советской Армении случались и прежде, но тенденции, отразившиеся в приведенном выше примере, уже самым непосредственным образом вели к событиям 1988 года. Для национально чуткой части армян Баку, Кировабада (Гянджи) и других городов с доминирующим азербайджанским населением эти тенденции послужили сигналом к тихому-мирному отъезду. А в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других регионах с преимущественно армянскими административными, общественными институтами стали усиливаться сопротивительские настроения.

Все описанное происходило на фоне глобального краха советской модели социализма, расширения свобод, дарованных горбачевской “перестройкой”, но не обеспеченных последовательными реформами, которые позволили бы консолидировать государство на новых, демократических основах. Разумеется, сыграли свою роль, как отмечает Мусабеев, и интересы коррумпированных, криминальных групп, экстремистов и провокаторов разных мастей. Однако корни трагического армяно-азербайджанского противостояния на рубеже XX и XXI веков, прежде всего, кроются в событиях столетней давности, породивших радикальный национализм, эхо которого доносится до наших дней.

Я буду неправильно понят, если сказанное воспримется как безоговорочное обвинение национализму. Для конкретных историко-политических обстоятельств он был явлением естественным и неизбежным в худшем случае, а в лучшем - несерьезный демократический потенциал. Но в контексте армяно-азербайджанских отно-

шений национализм впитал столько дополнительных субъективных и объективных факторов (многие из них проанализированы в этой книге моими коллегами), что привел к отсроченному почти на целый век широкомащтабному военному конфликту. И остановить подобное развитие событий, к сожалению, оказалось невозможно. Слишком зрелые национальные институты нужны были армянам и азербайджанцам, чтобы выйти на предотвращение массового насилия, остановить трагическое развитие событий. Но откуда было взяться таким институтам у народов, не имевших практически никакого опыта современной государственности и вобравших взамен всю нетерпимость советского тоталитаризма?

В отсутствие превентивной терапии нарыв вызрел, прорвался, и образовавшаяся рана требует лечения. В этом смысле нельзя не оценить близость позиций Степана Григоряна и Расима Мусабекова, увидевших неиспользованные возможности предотвращения или остановки военного противостояния на определенных этапах конфликта. Закономерность развития событий по трагическому сценарию не оправдывает фатализм, свойственный сегодня некоторым высказываниям в Баку, Ереване и Степанакерте.

Упущенные возможности?

Отвечая на вопрос о возможности избежать эскалации конфликта на разных его этапах, эксперты склоняются к мнению, что альтернатива фактическому развитию событий была. Однако, на мой взгляд, переговоры венчались или могли увенчаться результатом, когда ограничивались вопросами промежуточного характера: скажем, прекращением огня. Когда же на столе появлялся вариант всеобъемлющего урегулирования, стороны обнаруживали неготовность развязать или разрубить gordiev узел конфликта.

Трудно обвинять за отсутствие необходимой воли исключительно руководителей двух стран. Модели урегулирования, находившиеся в обращении, видимо, были объективно нереализуемыми. Если в чем-то стороны и могли проявить большую конструктивность, то только в активном выдвижении собственных инициатив, учитывающих позицию оппонентов и способных обогатить, сделать более реалистичными предложения международных посредников, а также в отказе от эксплуатации “образа врага” на внутренней идеологической арене. Однако такое поведение лидеров было бы равносильно подвигу, если не самопожертвованию, поскольку, по распространенному мнению, на Кавказе элита, отказывающаяся от националистических стереотипов, не способна удерживать политическую власть.

Как бы то ни было, ситуации, при которых, по мнению Мусабекова и Григоряна, мог быть достигнут прогресс в урегулировании карабахского конфликта, заслуживают рассмотрения в качестве исторических прецедентов, поучительных в свете новых инициатив.

Наиболее часто политики и наблюдатели ссылаются на “поэтапный план”, предложенный посредниками в 1997, одобрение его Азербайджаном, реакцию в Армении и, в частности, известную статью президента Левона Тер-Петросяна “Война или мир? Время придумать-ся”, которую достаточно подробно цитирует в этой книге Степан Григорян. Многие до сих пор полагают, что тогда был упущен реальный шанс разрешить конфликт. Однако при этом никто не может убедительно ответить на основной вопрос противников плана: что произойдет, если на первом этапе армяне освободят контролируемые ими азербайджанские территории за пределами НК, а Азербайджан под каким-либо “убедительным” предложением (его при существовавшем положении вещей изобрести не представляло труда) возобновит блокаду коммуникаций и т.д.? Армяне теряли бы “буферную зону” и

надежную линию обороны, катастрофически снижался бы уровень безопасности непризнанной Нагорно-Карабахской Республики, там бы приостановилась послевоенная нормализация жизни и начался отток коренного населения. Азербайджанская сторона от этого срыва только бы выигрывала, поскольку никто бы даже не пожурил ее за отступление от договоренностей. Во-первых, был “убедительный” предлог, а, во-вторых, в чем дело? Баку всего лишь вернул контроль над бесспорной, с точки зрения международного сообщества, частью своей территории! Более того, руководство АР получило бы все основания для избрания в дальнейших переговорах позиции, не предполагавшей никаких компромиссов.

Вероятность подобного сценария была очевидна для всех, в том числе и для первого президента Армении. Поэтому смею предположить, что его согласие на предложения посредников объяснялось, прежде всего, стремлением ослабить международное давление после проблемных президентских выборов, а в еще большей степени - восстановить собственный вес во внутриполитической жизни. Решающая роль “силовиков” в сохранении им власти в сентябре 1996 привела к существенному перераспределению влияния, и слово президента значило все меньше. Склонный к авторитаризму, убежденный в собственной харизме и избалованный обожанием окружения, президент не мог смириться с потерей властных рычагов. Ему ничего не оставалось, как пойти “ва-банк” в ключевом для нации вопросе, традиционно являющемся в Армении исключительной прерогативой главы государства. Практическая реализация “поэтапного плана”, как уже отмечалось, была маловероятной, но обсуждения, доработка технических деталей, возможно, даже модификация могли растянуться на годы. Страна включалась в процесс, где президент становился незаменимой фигурой. Он заручался поддержкой из-за рубежа и снимал вопрос о том, кто в доме хозяин.

Не ставлю под сомнение искреннюю убежденность Тер-Петросяна в необходимости скорейшего выхода из карабахского тупика. Не исключаю также, что развитие событий в начертанном им русле помогло бы на определенное время сделать переговорный процесс более содержательным. Но не больше. Вопреки наиболее распространенным интерпретациям последствий тер-петросяновской игры “ва-банк” (“партия войны” победила в Армении “партию мира”), карабахская проблема была лишь полем боя, а истинным трофеем, оспариваемым “королем” и “фрондой”, была власть. Часть верхнего эшелона уже приняла решение о смене лидера и всего лишь воспользовалась непопулярной инициативой Тер-Петросяна для его свержения.

Степан Григорян считает, что после ухода Тер-Петросяна концептуальный подход армянских властей к карабахскому урегулированию изменился и что сегодняшним властям недостает легитимности для принятия кардинальных решений. Да, после 1998 тер-петросяновская линия формально не получила продолжения (надо же было как-то объяснить переворот!). Кроме того, имя нового президента символизировало ответственность за судьбу карабахских армян, и, придя со своими соратниками к власти, он должен был продемонстрировать более твердую позицию в переговорах, нежели предшественник. Однако право карабахских армян на самоопределение и их решающее слово в принятии или отклонении того или иного варианта урегулирования как не ставились, так и не ставятся под сомнение. И в этом смысле преимущество в подходах армянской стороны не нарушилась. Разумеется, в обществе всегда циркулировали разнообразные идеи. Иногда новые неожиданные акценты звучали и в заявлениях представителей нынешних властей (типа наличия некой “правовой папки”, обосновывающей территориальные претензии Армении). Но они носили преходящий характер и не означа-

ли смену концепции. Что касается легитимности, то проблемы с ней у руководства РА имеют хронический характер со времени сфальсифицированных парламентских выборов в 1995.

Критики президента Роберта Кочаряна часто отмечают, что, отвергнув в свое время инициативу Тер-Петросяна, он лишил себя возможности маневра в переговорном процессе, более того, не имеет права возвращаться к поэтапной модели. С такими категоричными суждениями трудно согласиться. Во-первых, узость поля для маневрирования предопределено проблемами с упомянутой легитимностью и с обусловленным ею вынужденным выбором геополитических приоритетов. Во-вторых, любой новый план будет существенно отличаться от предложенного в 1997. В-третьих, если даже политики в силу тех или иных обстоятельств принимали решения, нуждающиеся в пересмотре, то скорректировать себя - не то что их право, а обязанность. И, наконец, именно политики, отметившиеся в истории жесткой защитой национальных интересов, нередко оказывались впоследствии самыми твердыми поборниками и имплементаторами компромиссных решений. Хотя бы по той причине, что их трудно заподозрить в пораженчестве. Вспомним де Голля или Шарона. (Правда, в их случаях не стоял злополучный вопрос о легитимности, который неизменно всплывает в контексте нашего региона.)

В этой связи как наиболее обещающий момент в новейшей истории армяно-азербайджанского противостояния я бы отметил канун Стамбульского саммита ОБСЕ 1999. И дело не в том, что на столе лежало некое предложение, способное удовлетворить стороны, а в том, кто оказался “наверху” и в Баку, и в Ереване. Во главе Азербайджана стоял Гейдар Алиев, который в 1997-1999 находился в зените своего авторитета. С одной стороны, ему уже удалось восстановиться в роли национального лидера, а с другой - над ним еще не довели заботы о

передаче власти, побуждающие к осторожности, избеганию крутых поворотов. В Армении стал возможен консенсус трех ключевых фигур политического истеблишмента: президента Кочаряна - “носителя” проблемы и главного действующего лица в переговорном процессе; премьер-министра Вазгена Саркисяна, сосредоточившего в своих руках наибольшее практическое влияние на ситуацию внутри страны и административный ресурс; спикера парламента Карена Демирчяна - лидера, пользовавшегося народным признанием. То есть в обеих странах сформировался своеобразный “заменитель” легитимности, позволявший принимать ответственные решения относительно как судьбы НК, так и тесно переплетенных с ней геополитических приоритетов. Но теракт в армянском парламенте в октябре 1999 и остро вставший вопрос о преемственности в связи с болезнью Алиева резко изменили климат в обеих странах и предопределили будущий провал “киуэстского этапа”.

Еще одна интересная возможность, упомянутая Расимом Мусабекковым, заслуживает обсуждения. Характеризуя поведение коммунистических лидеров конца 80-х, он отмечает: “Им не хватило дальновидности, чтобы оценить разумность, и политической воли, чтобы реализовать план покойного академика Андрея Сахарова, предложившего осуществить территориальный обмен между Азербайджаном и Арменией, разрядить конфликт и сосредоточиться на вопросах демократического обновления общества”. Нельзя не приветствовать коллегу, разрушающего распространенный в Азербайджане стереотип о великом ученом и гуманисте как пристрастном проармянском деятеле. Сахаровская модель исходила из интересов социального прогресса, соблюдения прав человека и минимизации страданий. Именно поэтому она не могла быть адекватно воспринята и реализована в тот период. Как, впрочем, и все идеи Сахарова, опережавшие эпоху, но доказывавшие свою правоту по прошествии времени.

Объявлявшиеся романтическими, они были гораздо более прагматичными, нежели силовые (применение мощи советского оружия) или агитпроповские (проповедь “нерушимой дружбы народов СССР”) методы.

Сахаровское отношение к межнациональным конфликтам на территории СССР менялось по мере их развития, и к какой-либо окончательной концепции он, думается, так и не пришел. Разумеется, его метод не сводился к механическому обмену, скажем, Мегри на Нагорный Карабах. Он вряд ли поддержал бы план Гоббла, доживи до середины 90-х. Возьму на себя смелость предположить, что ему была ближе мудрость простых армян и азербайджанцев, осуществлявших ненасильственные обмены селами и даже оставлявших друг другу “по взаиморасчету” скот. Упрощая суть сахаровской модели, ее можно охарактеризовать как оптимальное разделение и использование жизненного пространства в интересах людей.

Идея обменов остается актуальной, поскольку на данном этапе правильнее развести народы, найти принцип, по которому может быть проведена граница, чем пытаться реализовать новую формулу их совместного проживания.

Когда общее разъединяет

Согласно доминирующей сегодня политической риторике, традиционным аргументам сторон, их апелляциям к внешним арбитрам, содержанию большинства публикаций в СМИ, конфликт между армянами и азербайджанцами носит историко-этнический и даже культурно-бытовой характер.

Обе стороны накопили огромное количество “исторических свидетельств” того, что именно они “исконные хозяева региона”, а “пришлый” соперник вообще не имеет права на что-либо претендовать. Обе приписыва-

ют себе гуманизм и великодушие, а друг другу - черты религиозно-этнической нетерпимости и стремление изгнать, уничтожить или ассимилировать любые инородные элементы. И армянскому, и азербайджанскому обществам свойственны уничижительное отношение к культуре и национальным обычаям соседа, отказ ему в наличии собственного цивилизационного багажа. С обеих сторон звучат обвинения в присвоении чужих духовных ценностей. Из всего этого делается категоричный вывод - совместная жизнь либо невозможна вообще (следовательно, “лишний” должен уйти, исчезнуть, испариться), либо возможна при условии полного подчинения “порочной” нации со стороны “достойной”.

На территориях, населенных сегодня армянами и азербайджанцами происходили такие же процессы, как и в других частях мира: образование и крушение великих империй и маленьких стран, завоевания и потери, покорение народов и национально-освободительная борьба, естественная в таких условиях массовая миграция... Ни одно из событий, предшествовавших противостоянию армян и тюркских народов на границе двух предыдущих веков и его отсроченному продолжению - карабахскому конфликту 1988, нельзя считать настолько особенным, чтобы объяснять вражду сугубо историческими факторами.

Происшедшее сто лет назад можно воспринимать как роковое стечение обстоятельств. Турки и армяне примерно в одно и то же время созрели для идеи национального государства. Оба народа смешанно проживали на территории, воспринимаемой каждой из них как единственное место, где эта идея может быть реализована. Именно в этот период обостряется конкуренция великих держав, готовых использовать в своих целях и поощрять любые противоречия в регионе. Между турками и армянами эти противоречия приобрели особенно острый характер. Турецкий радикализм усиливался воинственной

природой Османской империи, в течение всей своей истории ощущавшей враждебное отношение соседей и всей христианской Европы. Армянский - подпитывался надеждами на царскую Россию с ее нацеленностью на южные моря.

Одновременно усиливался всемирный интерес к каспийской нефти, причем со стороны Турции он выражался еще и через экспорт пантюркистской идеологии и антиармянских настроений в среду кавказских собратьев. Владение промышленниками армянского происхождения значительной частью нефтяных месторождений и финансирование ими (а могло ли быть иначе?) националистических политических движений еще более усугубляло неприязнь к ним местного тюркского населения. Религиозные различия, хоть и не лежали в основе армяно-тюркской вражды, но существенно поднимали ее градус.

Имперской политике России межэтнические столкновения были выгодны по определению. Первая мировая война и русская революция с их жестокостью и пренебрежением к человеческой жизни окончательно заставили забыть о любых иных вариантах решения национальных проблем, кроме насилия. И в самый разгар выяснения отношений процесс был остановлен образованием "интернационального" СССР. Кто-то называет это спасением от большей трагедии. Возможно. Даже если бы отношения армян с тюркскими народами как-то утряслись на том историческом этапе, никто не знает, с какой бы силой вспыхнуло их противостояние во Вторую мировую войну, не будь Советского Союза, а армян и азербайджанцев в его составе.

Трудно сказать, найдется ли когда-нибудь аналитик, который, основываясь на цепи перечисленных событий, сможет четко определить природу карабахского конфликта как исторического, политического, экономического или какого-то другого. Пока это никому не удавалось.

“В определенных условиях, - отмечает Степан Григорян, - история (а точнее, та или иная трактовка прошлого) и культура являются факторами, мешающими решать противоречия, а значит, и разъединяющими народы”. Можно интерпретировать эту мысль и так: произвольное толкование истории и культуры зачастую используется - кем-то умышленно, а кем-то поневоле - для достижения политических целей посредством разжигания этнических конфликтов. Но историческая наука, равно как и культура, не могут нести ответственность за манипуляции ими. Из истории никак не может следовать вывод, что тюркские народы не имеют право на государственность в силу своего кочевого прошлого. Между тем в Армении подобный подход довольно распространен. В свою очередь, некоторые азербайджанские идеологи от истории пытаются доказать, что армяне появились в регионе лишь в XIII веке, а на территории Карабаха и вовсе в XIX. А все материальные свидетельства (в частности, письмена) были нанесены на древние, не принадлежащие им памятники позже, для присвоения...

При всей очевидной абсурдности этих теорий избавиться людей от их отравляющего воздействия очень трудно. Много ли мы знаем в двух странах историков, обладающих профессиональными знаниями и смелостью для опровержения привычных заблуждений? Поэтому, видимо, надо забыть об утопических проектах по выработке "единой исторической концепции" для Южного Кавказа. И категорически исключить историю как ключевой фактор определения путей урегулирования конфликта. Это и договориться поможет, и саму науку освободит от заказа на идеологический экстремизм. Готов подписаться под мнением Расима Мусабекова: "Односторонняя негативная трактовка (истории - *Б.Н.*) на потребу минутных пропагандистских целей не только неверна с научной точки зрения, но и вредна, так как отягощает неизбежное в обозримом будущем примирение наших

народов и будет еще более затруднять восстановление доверия, добрососедства и сотрудничества”.

По мнению азербайджанского коллеги, “ментальность, культура и история как армян, так и азербайджанцев, самобытны, оригинальны. Однако в процессе многовекового взаимодействия они сильно переплелись и взаимно обогатились. В поведенческих стереотипах армян и азербайджанцев, если подходить к ним не окариатурено, обнаруживается много схожего”. С этим трудно не согласиться. Иногда даже легче говорить о синтетических тбилисской, бакинской, ереванской, шушинской культурных традициях, чем отдельно об армянской, азербайджанской и грузинской... Возникает парадокс: если армяне и азербайджанцы ожесточенно спорят, кому принадлежит та или иная песня, кто изобрел хаш или долму, кто у кого позаимствовал тот или иной орнамент, значит, и тем и другим дорого подчас одно и то же. Но в таком случае, почему они становятся не ближе друг другу, а все более и более чужими? Может, мы не любим в соседе, то, что не хотим видеть в себе, и наоборот? Читая “труды” некоторых современных азербайджанских идеологов, ловишь себя на мысли, что наши соседи, скептически или с возмущением воспринимавшие проявления армянского национального чванства, в то же время словно учились ему. И сегодня ничуть не уступают, если ни превзошли “оригинал”. Похоже, у армян эта черта в последние годы стала стираться, а у азербайджанцев она с конца 80-х неуклонно развивается.

Означает ли сказанное, что, как отмечает Степан Григорян, культура и история - разъединяющие факторы? До поры до времени таковыми они, видимо, и будут. Остаётся повторить, что процесс поиска путей урегулирования должен быть максимально абстрагирован от них. Вместе с тем идея близости двух народов не должна предаваться забвению. Иначе новые поколения, не обремененные живыми представлениями об исторических и

культурных связях, будут испытывать меньшее притяжение друг к другу. А взамен продолжат развиваться “образ врага” у азербайджанцев и идеи “несовместимости” в сознании армян.

Нездоровые проявления в отношениях друг к другу можно в какой-то степени объяснить уязвленным самолюбием, комплексом условно проигравшего. С начала XX века таковыми себя ощущали армяне, сегодня - азербайджанцы. Отсюда вывод: избавиться от комплексов поможет только в равной степени устраивающая или (что более реалистично) в равной степени не устраивающая обе стороны модель урегулирования конфликта. И еще - чувство юмора в отношении собственных слабостей, свойственное, но несколько позабытое в последние годы и армянами, и азербайджанцами...

В поисках компромисса

Есть мнение, что обсуждение возможных вариантов урегулирования - это сугубо интеллектуальные упражнения, не имеющие ничего общего с практикой, а потому бессмысленные. Решения становятся возможными в результате установления баланса факторов, и в отсутствие такового - не реализуемы. С другой стороны, если “ловить” момент на ощупь, не прогнозировать, не моделировать, когда сложившееся соотношение сил позволит решить проблему, можно постоянно упускать предоставляемые временем шансы. Ведь установившийся в тот или иной период баланс не может быть вечным.

Согласно другой концепции, конфликты, имеющие, подобно карабахскому, глубокие корни и развивающиеся словно по прерывающейся спирали, невозможно урегулировать посредством выработки моделей. Необходимо просто остановиться и смириться со статусом-кво, образовавшимся на одном из витков. Не важно в результате чего - военных ли действий, дипломатических уси-

лий или кабинетных интриг. Одна такая “остановка” для НК произошла в начале 20-х годов прошлого века, когда большевики признали его частью Советского Азербайджана. Армяне неоднократно оспаривали это решение, в том числе на уровне крупных государственных деятелей, добиваясь передачи области в состав Советской Армении. Другая - после прекращения огня в 1994. Ее, естественно, не приемлет уже азербайджанская сторона.

Таким образом, статус-кво, сложившийся в результате баланса сил и в какой-то более или менее продолжительный отрезок времени, трудно рассматривать как решение проблемы. В случае с карабахским конфликтом сегодня вряд ли можно вернуться к одной из прошедших его фаз и договориться о ее фиксации, включая статус и территорию. Это проблематично как в плане практической реализации, так и представлений сторон о справедливости, об ответственности за разжигание вражды. В Баку “искрой” могут называть угрозы, вызвавшие массовое бегство азербайджанцев из Капанского района, постановление облсовета НКАО о выходе автономной области из состава АзССР или убийство двух агдамцев, направившихся с толпой в Степанакерт, чтобы проучить армян. В Ереване и Степанакерте - усилившееся в конце 80-х давление на армян, проживавших в Азербайджане, погромы в Сумгаите, Кировабаде и Баку или применение в 1991 оружия массового уничтожения против степапанакертцев.

Подчеркну, все упомянутые события происходили в государстве под названием “СССР”. Армения и Азербайджан получили независимость, а вместе с ней и безусловное обязательство отвечать за действия свои, своих граждан и на (со) своей территории, уже имея полномасштабную войну, в которую были вовлечены ресурсы, ими не контролируемые. Это и советские войска, и чеченские боевики, и афганские моджахеды, и добровольцы из армянской диаспоры. То есть, наши страны нача-

ли свой самостоятельный путь в ситуации, уже развивавшейся по законам войны, когда нанесение максимального ущерба противнику и обеспечение собственной безопасности любой ценой стали естественным правилом. Оно не могло быть нарушено одними резолюциями ООН - стороны и сами должны были созреть для весомых взаимных гарантий невозобновления боевых действий.

Недооценка этих специфических обстоятельств приводит к не совсем объективным оценкам, которые, на мой взгляд, звучат и в ответах Расима Мусабекова: “Довод о том, что наступательные действия армянских сил были вынужденными и предпринимались с целью обеспечения безопасности и выживания карабахских армян, является неискренним и рассчитан на неосведомленных о причинах и ходе конфликта людей”. Фактически, в том, а не ином развитии войны в одностороннем порядке обвиняется Армения. Но неужели азербайджанские войска остановились бы на каком-то рубеже, если бы военная удача была на их стороне, а противник и не помышлял о перемирии?

Долгосрочное, рассчитанное на стабильный мир и развитие всего региона урегулирование не может базироваться исключительно на том, кому досталась победа или в чью сторону склоняется расклад сил. Представления армянской и карабахской сторон об успехе военной кампании 1992-1994, а азербайджанской - о нефти и растущих расходах на армию как о главных аргументах в процессе урегулирования, никак не способствуют выходу на устойчивое решение. Будь все так просто, послевоенная история Западной Европы сложилась бы совсем иначе, и к этому региону вряд ли бы присоединились или стремились присоединиться новые и новые страны. Принципы, сделавшие его зоной мира и стабильности, должны усвоить и стороны карабахского конфликта, если они не хотят оказаться на задворках цивилизации.

И Степан Григорян, и Расим Мусабеков высказываются за поэтапную модель (план) урегулирования конфликта. Хотя понятия “поэтапная” и “пакетная” применительно к моделям урегулирования весьма относительны. И то, и другое характеризуют, скорее, методы, нежели конкретные планы. Между вариациями “поэтапного” может быть больше принципиальных различий, чем между какой-то из них и “пакетным”. Видимо, имеет смысл вернуться к идее, активно муссировавшейся несколько лет назад: каждый этап должен представлять из себя отдельный пакет, т.е. комплекс параллельных действий, осуществляемых сторонами. И сложившаяся после него ситуация должна быть шагом вперед для всех сторон даже при срыве следующего этапа. В то же время план должен содержать реальные стимулы для продолжения процесса.

Принципиально важно, чтобы модель отвечала на самый острый вопрос о статусе НК с учетом озабоченностей сторон. Армянам недостаточно знать, что статус будет определен на заключительном этапе, им важно иметь представление, КАК это будет происходить. Азербайджанцев не может устроить, чтобы их государство и их карабахская община оказались безучастными при определении судьбы НК.

Международная кризисная группа (МКГ), подготовившая доклад по Нагорному Карабаху и рекомендации по урегулированию, подошла очень близко к выработке модели, учитывающей основные факторы и delicate моменты. Не случайно ключевые пункты этих рекомендаций совпали (или легли в основу?) с принципами рамочного соглашения, предложенными сопредседателями Минской группы.

Документы МКГ привлекательны тем, что в них применительно к урегулированию не эксплуатируются, как это принято в околоконфликтной риторике, понятия “справедливое”, “в соответствии с принципами между-

народного права”. Как отметил один циничный политик, “я поверю в международное право, если вы покажете мне международную полицию”: стороны конфликта столь часто и безнаказанно нарушали и продолжают нарушать основополагающие нормы международного общепития, что побудить их к какому-либо действию только потому, что оно соответствует этим нормам, представляется утопией.

Еще сложнее со “справедливостью”. То, что справедливо для одних, является вопиющей несправедливостью для других, поскольку армяне и азербайджанцы с диаметрально противоположных позиций видят и интерпретируют историю и даже события последних полутора десятков лет. Любой арбитр, осмелившийся признать справедливость за одной из сторон, будет обвинен в пристрастности. Поэтому поиск выхода из конфликта может основываться не на выяснении, кто в итоге прав, а кто виноват, а на отношении к нему как к Общей Проблеме, которую армяне, азербайджанцы и посредники должны решать вместе.

МКГ следует здравому смыслу и принципу максимальной выгоды (или минимальных потерь) для сторон, оставаясь при этом в пространстве международного права. На базе ее материалов можно выйти на вполне работающую модель армяно-азербайджанского компромисса. Но, видимо, это задача отдельной большой работы. Здесь же, опираясь также на идеи Степана Григоряна и Расима Мусабекова, хотелось бы остановиться на нескольких базовых элементах урегулирования.

Прежде всего, это **мирное соглашение**, исключающее применение силы и предполагающее серьезные международные санкции за его нарушение. То, что одна из сторон оставляет за собой право возобновить войну, если ее не устроит ход мирных переговоров, более того, демонстрирует своему обществу и всем окружающим милитаристский настрой, делает ее неспособной на

компромиссы. Зачем что-либо уступать, если существует перспектива получить максимум? Другая сторона, наблюдая за всем этим, также не видит резона уступать территории, способные сыграть в случае войны решающую стратегическую роль.

Есть, правда, и обратная логика: если невозобновление войны гарантировано, к поиску компромиссов не склонна уже сторона, которую устраивает статус-кво. Поэтому для сохранения “баланса стимулов” она должна заплатить за мирное соглашение чем-то существенным: в нашем случае освободить часть контролируемых ею территорий, которые рассматриваются в качестве оборонительного буфера. **Освобождение азербайджанских территорий** за пределами Нагорного Карабаха с возвращением туда их прежних жителей - второй обязательный элемент урегулирования. У Степана Григоряна он вписывается в формулу “территории в обмен на безопасность”.

Вместе с тем, постановка вопроса об одновременном и безоговорочном освобождении всех семи районов свидетельствуют о том, что ее авторы либо не осознают серьезность и сложность процесса урегулирования, либо просто неискренни, говоря о приверженности компромиссам. Эти территории подразделяются в силу географических, стратегических и других характеристик на несколько категорий и требуют дифференцированного подхода.

Есть территория, на которой провозглашена Нагорно-Карабахская Республика, и есть часть бывшей НКАО, контролируемая Азербайджаном. Есть территории, используемые как коридор между Арменией и НК, и есть контролируемые, но никак не осваиваемые армянами азербайджанские районы. Есть Шуши (Шуша) и бывший Шаумяновский (сельский) район. Есть гипотетический мегринский коридор между основной частью Азербайджана и Нахичеваном, и есть армянонаселенный

до конфликта Геташенский подрайон. Есть другие районы недавнего компактного проживания армян в Азербайджане и азербайджанцев в Армении. Это далеко не исчерпывающий перечень территорий, вопрос которых так или иначе будет вставать в процессе урегулирования. Он лишний раз свидетельствует о нереалистичности упрощенных подходов. Даже отдельно взятый Кельбаджарский район трудно рассматривать как нечто единое со стратегической точки зрения.

Освобождение ЧАСТИ контролируемых армянами азербайджанских территорий вовсе не означает забвение остальных. Посредники предлагают различные формулы: 5+1+1, 5+2. Теоретически любая из них может работать, и все будет зависеть от набора деталей, составляющих каждый из этапов урегулирования. Как один из элементов процесса (но не как основополагающий принцип) может быть применен и **территориальный обмен** в сахаровской (или предположительно сахаровской) интерпретации. Т.е., если размежевание двух народов, в том числе территориальное размежевание, неизбежно, то оно должно происходить по принципу распределения жизненных пространств пропорционально существовавшему накануне конфликта. Примером такого размежевания был почти одновременный захват армянами и азербайджанцами еще на раннем этапе конфликта (и без существенных претензий с обеих сторон) двух анклавных сел - азербайджанского Кярки и армянского Арцвашена. Разумеется, сейчас обмен должен происходить посредством официальных переговоров, а не негласных взаимных уступок сторон во избежание насилия.

Учитывая, что самый болезненный вопрос конфликта - статус Нагорного Карабаха - не может быть определен на начальных этапах урегулирования (это обстоятельство, главным образом, и лежит в основе “поэтапного” варианта), необходимым элементом становится **международно признанный временный статус НК** с четко огово-

ренным сроком. Эту идею предлагает, в частности, Расим Мусабеков. Нынешнее “непризнанное” положение карабахцев, когда их естественное право передвигаться, смотреть телевизор, осуществлять банковские операции, ходить на концерты и играть в футбол расценивается Азербайджаном как нарушение норм международного права, абсурдно. Хотя сугубо с формальной точки зрения с Баку трудно спорить. Без преодоления такого положения на нормальное течение процесса урегулирования рассчитывать трудно. Тем более, что мировой опыт свидетельствует о том, что маргинализация территорий, стремящихся к сецессии, только усугубляет проблему.

Временный статус должен, видимо, представлять из себя нечто схожее с сегодняшним положением дел в Нагорном Карабахе, но без изоляции (в том числе от Азербайджана), с контролем за вооруженными силами и обязательным выполнением властями НК международных норм и договоров. Кроме того, с момента начала действия временного статуса карабахское руководство должно приступить к формированию условий, позволяющих азербайджанским беженцам из НК вернуться в места своего прежнего проживания.

Размещение и состав миротворцев на линии размежевания - еще один вопрос, способный загнать переговорный процесс в тупик. Проблема их нейтралитета не решается механическим исключением из списка стран-соседей Армении и Азербайджана, а также сопредседателей Минской группы. Острота, возможно, могла бы быть снята, если бы стороны продемонстрировали готовность поддерживать режим безопасности в регионе без крупного контингента миротворцев. **Функция международных миротворческих сил** могла бы ограничиться мониторингом и организацией работы контрольно-пропускных пунктов. Это избавило бы от прогнозируемых астрономических расходов на контингент, а, главное, от угроз непреодолимых противоречий по его составу.

МКГ предлагает решить будущее НК путем **референдума** (добавлю от себя: проводимого по истечении срока временного статуса НК). При существующем характере взаимоотношений азербайджанцев и армян, альтернативой ему могут служить бесконечные и безрезультатные переговоры, замораживание конфликта на неопределенное время и с неопределенным исходом, либо война. Рассматривая перспективу референдума, все стороны должны согласиться с рядом непреложных принципов. Прежде всего, статус Нагорного Карабаха можно определить, только когда меры по укреплению доверия и гарантии безопасности на предшествующих референдуму этапах дадут результаты.

Азербайджану необходимо осознать: пойдя на масштабную войну против части своего населения; применив оружие массового уничтожения и бомбардировки с воздуха; объявляя представителей НК террористами, военными преступниками; не оставив тем самым никаких сомнений, что от бакинских властей армянам ничего, кроме репрессий, ожидать не следует, - он не может единолично определять судьбу Нагорного Карабаха. Отрицая идею референдума или интерпретируя ее по-своему (мол, в нем должно участвовать все население страны, либо выбор статуса должен ограничиваться рамками территориальной целостности АР), Азербайджан словно расписывается в том, что он не способен предложить приемлемое будущее людям, которых считает своими гражданами. Между тем нам известны исторические периоды, когда именно Баку ассоциировался у карабахских армян с понятием “центр”, возможностями экономических связей, культурного развития, образовательного и карьерного роста. Важно, чтобы в Баку задумались над фразой, время от времени звучащей из уст прогрессивных представителей грузинской элиты: “мы должны предложить абхазам (осетинам) страну, частью которой им хотелось бы быть”.

В свою очередь, Армении необходимо понять: между практическим началом процесса урегулирования и референдумом должно пройти время, достаточное, чтобы Азербайджан попробовал стать привлекательным для армян Нагорного Карабаха. При этом Баку должен иметь прямые контакты с населением НК. Ереван не имеет оснований настаивать на скором (скажем, в течение 5 лет) проведении плебисцита. Т.е. действие временного статуса и подготовка к референдуму могут растянуться на 12-15 лет.

Наконец, Нагорный Карабах должен признать, что референдум о независимости 1991 не может заменить новый, осуществляемый в рамках плана урегулирования. В период действия временного статуса в непризнанной республике должны быть созданы условия для возвращения азербайджанских беженцев, и воля азербайджанцев, проживавших в НКАО до начала конфликта, должна быть учтена при определении статуса. Не исключено, что даже при создании необходимых условий часть беженцев не пожелает вернуться. В таком случае голоса не участвующих азербайджанцев могут быть засчитаны - в соответствии с уже применявшейся международной практикой - как поданные за НК в составе АР.

В расчет должны приниматься и справедливые опасения сторон: искусственное изменение демографической ситуации по сравнению с 1988 (чего опасаются армяне) или политический диктат Еревана над волей Степанакерта (чего опасаются азербайджанцы). Соответствующие меры, такие как контроль над миграцией и гарантии самостоятельного функционирования всех демократических институтов в НК должны быть обеспечены международными посредниками в сотрудничестве со сторонами конфликта. Сложно? Разумеется. Но неужели кто-то ожидает легкую жизнь в этом процессе?

Предвижу массу вопросов. Как быть, если азербайджанское руководство - даже при всем желании - не су-

меет убедить свое общество в необходимости внесения изменений в Конституцию, допускающих проведение референдума о самоопределении в отдельном регионе? Каким будет статус возвратившихся в НК беженцев-азербайджанцев (паспорт, гражданство)? Если иным, нежели у местных армян, то как технически организовать их совместное участие в голосовании? Если карабахские азербайджанцы попадут под юрисдикцию НК, получившего независимость, будут ли они ставить вопрос о правах на самоуправление? Непросто будет определиться и с формулировкой вопросов для референдума. Все это проблемы, которые порой заранее чрезмерно усложняются. При искреннем желании компромиссы вполне могут быть найдены. Думаю, зарубежные и местные эксперты способны предложить специфические решения по большинству деталей урегулирования, но это приобретет смысл только при запуске конструктивного переговорного процесса на базе рамочных соглашений.

В контексте референдума в НК можно, конечно, ставить вопрос о самоопределении и в других районах компактного проживания азербайджанцев и армян соответственно в Армении и Азербайджане до 1988. Однако это означало бы оторвать модель урегулирования от прагматичной основы, которая на данном этапе просто необходима. В то же время, нет оснований и для категорического ограничения поля деятельности права наций на самоопределение. При позитивных процессах, реализации евроинтеграционных амбиций Азербайджана и Армении, формировании качественно иного политического и социально-экономического климата в регионе этот вопрос может решиться в рамках принципов свободной миграции, местного самоуправления, реабилитации прав собственности и, на крайний случай, новых плебисцитов. Но к этому можно прийти, только развязав сегодня карабахский узел.

Ресурсы примирения

Какие ресурсы из тех, что приобрели или сохранили стороны за последние полтора десятка лет, могут служить урегулированию конфликта или на худой конец управлению им? Заслуживают рассмотрения - и им Расим Мусабеков и Степан Григорян уделили значительное место в своих ответах - следующие: режим прекращения огня; вовлеченность международного сообщества; процесс переговоров как таковой; политическая воля лидеров и национальных элит; сотрудничество в экономике и других областях; СМИ и гражданское общество.

Бесспорно, самое большое достижение - саморегулируемая линия соприкосновения. Несмотря на потери военнослужащих с обеих сторон уже после установления режима прекращения огня, ситуацию здесь можно все-таки считать контролируемой. В других конфликтных зонах, которые принято сравнивать с Карабахом, в том числе и в тех, где уровень враждебности не идет с ним ни в какое сравнение, подобный ресурс не сформировался. В Южной Осетии гарантом невозобновления военных действий являются совместные миротворческие силы, состоящие из российских, грузинских и южно-осетинских подразделений. В Абхазии и Приднестровье миротворческие войска формально размещены по мандату СНГ, фактически же, мы имеем дело с российским военным присутствием. В НК же ОБСЕ осуществляет только мониторинг. С учетом того, какие инциденты имеют место в зонах интенсивного присутствия миротворцев, карабахскую модель можно признать одной из наиболее эффективных.

Другим позитивным фактором в контексте карабахского конфликта называется его интернационализация, вовлеченность в процесс урегулирования - в той или иной форме - целого ряда авторитетных международных организаций. Это позволяет держать деструктивную

энергию конфликта в узде, что не свойственно, скажем, арабо-израильскому противостоянию. Несмотря на паузы, малоэффективные стадии переговоров, вклад международных структур в относительную стабильность в армяно-азербайджанском конфликте остается существенным.

Распространено мнение, что в плане управления конфликтами переговоры ценны сами по себе, независимо от того, приводят они к результатам или нет: налаживается диалог на разных уровнях, преодолевается образ врага. То, что мы видим в атмосфере вокруг армяно-азербайджанского конфликта, свидетельствует об обратном. По мере приближения к завершению работы посредников над очередными предложениями по урегулированию в Армении и Азербайджане активизируются соответственно антиазербайджанские и антиармянские настроения, нарастает протест против компромиссов и создается впечатление, что с каждым раундом стороны оказываются от соглашения дальше, чем прежде. Именно после Ки-Уэста последовали заявления армянских парламентских политических партий и так называемая "Хартия четырех", подписанная видными представителями азербайджанской общественности, что существенно сузило поле для переговоров. Похожая ситуация сложилась к концу 2005, когда посредники подготовили обновленную концепцию урегулирования.

И Расим Мусабеков, и Степан Григорян большое значение придают легитимности властей. Справедливые выборы, реальная поддержка и доверие общественности придали бы решимости лидерам сторон, позволили бы пойти на взаимные компромиссы. Капитал легитимности, в конце концов, для того и нужен руководителям, чтобы расходовать его в критические моменты, когда история бросает нациям вызов. Но именно этим ресурсом лидеры Армении и Азербайджана, к сожалению, не обладают. Они остаются заложниками сложного перепле-

тения геополитических интересов в кавказском регионе и неготовности национальных элит, которое можно интерпретировать и как нежелание, и как боязнь кардинальных перемен, и как стремление до конца использовать выгоды, обеспечиваемые существующим положением вещей. Вместо принятия ответственных решений, власти держатся за удобный для конкретного момента, но бесперспективный статус-кво, оправдывают свою неуступчивость неприемлемостью компромиссов для общестственности, чью максималистскую позицию нередко сами и формируют.

О возможности развития экономических связей в условиях нерешенности конфликта достаточно модно было говорить в конце 90-х, когда на Южном Кавказе начали разрабатываться и реализовываться крупнейшие энергетические и транспортные проекты. Азербайджан высказывался категорически против вовлечения в них Армении и, несмотря на определенное давление из-за рубежа, сумел отстоять свою линию. Большинство задуманного, хотя и с определенным удорожанием из-за участия Армении, стало, либо становится реальностью. Если в вопросе транснациональных проектов Баку руководствуется сугубо стратегической задачей - максимально ослабить Ереван экономически, то отрицание им возможности двустороннего или трехстороннего (с участием Грузии) экономического сотрудничества основывалось на объективных аргументах: как налаживать экономические, торговые связи между странами, которые не имеют никаких официальных отношений, двусторонней нормативно-правовой базы?

В то же время Баку в своем усердии подвергнуть Ереван полной международной изоляции явно перегнул палку. Отказываясь от сотрудничества в сферах охраны природы, стихийных и техногенных бедствий и ряде других, Азербайджан в равной степени наносит ущерб и самому себе. А предъявляя претензии к Грузии по поводу

торговли с Арменией продукцией азербайджанского происхождения или прошедшей транзитом через азербайджанскую территорию, вообще доводит ситуацию до абсурда. Как бы то ни было, ресурс регионального сотрудничества для сокращения негативных последствий конфликта не используется.

Потенциал гражданского общества также задействован лишь в малой степени. Степан Григорян отмечает, что власти Армении пытаются монополизировать проблему НК, исключить из широкого общественного обсуждения альтернативные концепции ее решения. В таких условиях и вклад независимых НПО, экспертного сообщества в урегулирование существенно ограничен.

Надо сказать, что и прежние, и нынешние армянские руководители с непонятной гордостью из года в год повторяют, что карабахской проблематикой в стране на компетентном уровне владеют единицы (в частности, первый президент РА называл цифру 6). Между тем серьезные аспекты конфликта обсуждаются на разного уровня форумах и встречах, призванных помочь его разрешению, в них участвуют сотни, если не тысячи официальных и неофициальных лиц. Выходит, сами эти мероприятия и участие в них не приносят пользы? Не желают ли единицы посвященных поделить себя глубиной своих знаний с соотечественниками, тоже пытающимися внести лепту в выход из тупика? Нет, “жрецы” предпочитают сохранять чистоту своей касты. Только как можно выйти на договоренности, если общественность (а на ее поддержку как необходимый элемент ссылаются все) к ним не готова? Или предполагается, что посвященные с двух сторон договорятся, а потом осчастливят согласованным решением массы? Но где гарантии, что рожденное в многолетних муках согласие будет с восторгом принято этими массами? Процесс грозит стать перманентным: мудрые “жрецы” будут выходить на новые и новые варианты, а публика каждый раз оказываться к ним неготовой.

Никто не призывает к нарушению конфиденциальности переговоров, речь всего лишь о постоянном и глубоко разьяснении людям объективных аспектов проблемы, позиций сторон, разнообразных путей преодоления противоречий, о поддержке или хотя бы интересе к тому, что предпринимает неправительственный сектор, попытке использовать накапливаемый им потенциал доверия. Полное игнорирование, чтобы не сказать неприятие со стороны властей двусторонних и многосторонних (на региональном уровне) гражданских инициатив привели к тому, что после короткого периода прогресса в этой сфере наступила депрессия.

Начиная с конца 2000, в основном по инициативе Азербайджана, постоянно ограничиваются возможности для контактов на неправительственном уровне. Вначале развернулась кампания по дискредитации лиц и организаций, участвующих в диалоге с армянами. Затем, фактически, был введен запрет на посещение Азербайджана армянскими журналистами и нпошниками. А в последние 2-3 года и посещения Армении и Нагорного Карабаха их азербайджанскими коллегами носят эпизодический и избирательный характер: круг лиц, позволяющих себе визиты в соседнюю страну без риска для репутации, сузился до минимума по трудно определяемому принципу.

На уровне агрессивного массового сознания, у которого появились свои “знаменосцы” (тоже из “гражданского общества”), забрасывающие камнями или яйцами всех, вступающих в общение с “врагом”, формируется стереотип, что контакты с армянами недопустимы, поскольку создают иллюзию прощения их вины перед азербайджанцами и ослабляют боевой дух нации. Для официального Баку прорыв блокады Армении в неправительственной сфере, видимо, также не вписывается в стратегию тотальной обструкции Армении.

Получается, что, хоть и по-разному, но и в Баку, и в Ереване власти демонстрируют, что никак не нуждаются

в народной (гражданской) дипломатии. Как следствие, говорить о ней сегодня неуместно. Она может выполнять какую-то роль, когда между сторонами наметилось желание достичь согласия, и общественный диалог призван подкрепить официальные усилия. Гражданское же общество в Армении и Азербайджане все еще не востребовано для подобной миссии. Можно говорить в лучшем случае о человеческих, профессиональных контактах, не злоупотребляя столь обязывающими понятиями, как “дипломатия”. Причем, учитывая фактор всеобщей подозрительности, подобные контакты должны происходить в атмосфере максимальной открытости, чтобы не производить впечатления “заговора маргиналов”, противопоставляющих себя общественному мнению. К сожалению, соблазн уподобиться “жрецам”, более сведущим и облеченным большими “полномочиями”, чем “рядовые граждане”, присущ и некоторым НПО, экспертным группам, занимающимся карабахским вопросом. Ничего, кроме новых всплесков агрессии в свой адрес, подобные претензии на избранность не вызывают.

Позиции сторонников гражданского диалога ослабляются и вследствие негативного или скептического отношения к их деятельности со стороны большинства азербайджанских и армянских СМИ. В каких-то вопросах критическое отношение журналистов к НПО можно понять. Слишком много на определенном этапе стало мероприятий, участники которых, по образному выражению одного азербайджанского правозащитника, собирались только для того, чтобы изобразить перед иностранцами, как “армянин и азербайджанец могут спокойно сидеть рядом за столом, и не тыкать друг другу вилкой в глаз”. И усилия тех, кто занимался конкретным делом - спасал военнопленных и заложников, способствовал информационному обмену и др., стали теряться в потоке конъюнктурных “миротворческих инициатив”. Но в целом средства массовой информации вносят, по опреде-

лению Мусабекова, “весомую лепту в разжигание ксенофобии, перерастающей порой в массовый психоз”.

Подробно с анализом деятельности прессы, ее роли в росте напряженности между двумя странами, можно ознакомиться в брошюре “Чему служит слово?”, основанной на совместном исследовании Ереванского пресс-клуба и Объединения журналистов Азербайджана “Ени несил”. Одной из причин, обуславливающих стереотипно-националистический подход основной части ведущих СМИ, является их зависимость от политических кругов и заимствование соответственно антиармянской и антиазербайджанской риторики у партий и их лидеров, соревнующихся друг с другом в демонстрации “патриотизма”.

Особенно важную роль в формировании атмосферы вокруг карабахского конфликта играет телевидение. Но именно этот мощнейший канал массовой коммуникации почти полностью монополизирован властями как в Армении, так и в Азербайджане, и о реальном плюрализме мнений на ТВ двух стран говорить не приходится. Как считает Степан Григорян, “в последние 3-4 года в армянском телеэфире практически невозможно озвучить позицию по решению карабахского вопроса, противоречащую той, которую принято считать официальной”. Следует добавить, что сказанное касается не только карабахской, но и любой другой проблемы, находящейся в фокусе внимания и интересов властных кругов. Примером может служить обсуждение проекта поправок в Конституцию и хода референдума по ним на армянских телеканалах в 2005. Мониторинг СМИ, проведенный ЕПК, показал, насколько односторонне освещалась эта кампания.

Хотелось бы поделиться здесь одним субъективным наблюдением. Похоже, что освещение всех вопросов, связанных с Арменией и армянами, в азербайджанских СМИ регулируется из одной инстанции. Не случайно периоды “информационной войны” и “разрядки” совпа-

дают во всех ведущих органах, независимо от их политической ориентации, и связано это бывает, как правило, с “генеральной линией” конкретных властных институтов или с внешнеполитическими факторами. В частности, не вызывает никакого сомнения, что массированная атака телеканалов и газет на участников гражданского диалога во второй половине 2001 (после провала Ки-Уэста) была инспирирована сверху и за ней последовал негласный запрет на посещение Баку армянами.

“Инвентаризация” ресурсов примирения, предложенная в данной главе, показывает, что реальный вклад в урегулирование и управление конфликтом вносят поддержание режима прекращения огня и деятельность международных посредников. Все остальные могут быть эффективно задействованы только при достижении практических договоренностей на официальном уровне или хотя бы при очевидном желании властей Армении и Азербайджана использовать имеющийся у их стран и народов миротворческий потенциал.

О формате и посредниках

Как отмечает Степан Григорян, выбор посредников и формата переговоров был значимым фактором на всех этапах карабахского конфликта. Он даже приходит к выводу, что нынешняя стагнация в переговорном процессе была во многом предопределена выводом из него карабахцев как третьей стороны. Вместе с тем, по мнению армянского эксперта, международное сообщество пошло по этому пути, исходя из того, что “чем меньше сторон конфликта, тем легче будет договориться”. Но самый “простой” путь оказался неэффективным, в чем, согласно Григоряну, “начинают убеждаться и некоторые люди, вовлеченные в посредническую деятельность”.

Создается впечатление, что, предлагая или отрицая тот или иной формат, стороны, как правило, остаются в

плени символов, либо тактических игр. Между тем каждый из возможных форматов может оказаться эффективным для решения конкретного круга задач, и отказываться от любого из них неблагоприятно. К примеру, обсуждение вопроса о возвращении ряда районов и соответствующих гарантиях безопасности целесообразно при участии трех сторон. Проблема препятствования со стороны Азербайджана функционированию определенных структур в Нагорном Карабахе (связь, банковская система, представительства международных организаций и реализация ими гуманитарных программ) может получить оптимальное решение в прямом диалоге Баку и Степанакерта. Конфронтация Армении и Азербайджана на всех международных форумах, которая вредит имиджу обеих сторон и региона в целом, мешает развитию стран - это тема для обсуждения на уровне Баку и Еревана.

Далек от конструктивного и подход сторон к посредникам. Опыт наших стран свидетельствует о том, что международные структуры готовы содействовать нам, но не склонны решать за нас наши проблемы. Мы постоянно возлагаем на них большие надежды, но много ли они добились, скажем, в плане демократизации наших стран? Можем ли мы однозначно утверждать, что сегодня, в результате реализации масштабных международных программ АР и РА стали демократичнее, чем в первый год после получения независимости? Прогресс на институциональном уровне, конечно, достигнут, но в плане «функционирующей демократии» наши страны выглядят никак не лучше, чем 15 лет назад. Видимо, первоочередное значение имеет, в какую почву попадают семена как промоутеров реформ, так и посредников в конфликтах. Готовы ли мы пользоваться теми «ноу-хау», которые они предлагают?

Во всем минском процессе Баку, Ереван и Степанакерт напоминают строгих экзаменаторов, милостиво

выслушивающих сопредседателей: мол, как вы там готовились на сей раз? И еще до начала собственно переговоров начинают выискивать слабые стороны и критиковать очередные предложения.

Между тем сколь бы ни приближались посредники к оптимальному варианту урегулирования, абсолютно естественно, что без конструктивного участия Армении и Азербайджана целый ряд крупных и мелких деталей этого варианта не может быть отработан. В течение всех последних лет и международное экспертное сообщество, и сопредседатели Минской группы пытались совместить подходы сторон. Вначале это напоминало попытку соединить два листа бумаги с произвольно изрезанными краями. Постепенно профили разреза становились все более совместимыми. Соединению продолжают мешать, можно сказать, некоторые шероховатости. И устранить их, подключившись к усилиям посредников, могут уже только стороны конфликта. Однако их реакция, основывающаяся на традиционных, не претерпевших изменения позициях, приводит к дискредитации очередного плана урегулирования.

И Степан Григорян, и Расим Мусабеков высоко оценивают европейскую интеграцию и роль региональных структур. ОБСЕ и СЕ препятствуют разрастанию конфликта, накладывают определенные обязательства на стороны и занимаются поиском (каждый в пределах собственной миссии) перспектив урегулирования. Хотя известные противоречия относительно того, кто чем должен заниматься, в течение 2005 возникали, в том числе в контексте рассмотрения отдельных аспектов вопроса в ООН и подготовкой доклада Дэвиса-Аткинсона с последовавшей резолюцией ПАСЕ. Однако международные организации имеют большой опыт в согласовании своих позиций и распределении обязанностей. При всей неудовлетворенности отсутствием результата деятельности МГ более компетентной инстанции для

поиска модели урегулирования, разработки технических деталей, сегодня нет. Знание проблемы, обширное и разнообразное “меню” наработок по большинству аспектов урегулирования - это огромный ресурс, которым не обладает ни одна другая инстанция и который рано или поздно должен сыграть свою роль в достижении соглашения между сторонами.

Расим Мусабеков, говоря о международных и региональных факторах, в качестве наиболее перспективного рассматривает европейский рецепт, который предполагает “растворение” проблемы национализма, а также противоречия принципов территориальной целостности и самоопределения наций в процессе интеграции. “Хотя баскский, шотландский или корсиканский национализм и сепаратизм все еще дают о себе знать, - отмечает Мусабеков, - следует признать, что в объединенной Европе они не выходят за рамки управляемости”. Степан Григорян приводит пример Кипра, где евроинтеграционный процесс позволяет медленно, но верно преодолевать негативные последствия конфликта даже в условиях его неурегулированности. Соответственно и на Южном Кавказе проблемы, обусловленные агрессивностью и недоверием, могут быть в существенной степени сняты, когда заработают механизмы европейской и региональной интеграции. “В процессе интеграции, а в идеале - вхождения Армении и Азербайджана в объединенную Европу с ее общим таможенным, экономическим, валютным, правовым пространством и унифицированным гражданством многие аспекты карабахского конфликта, кажущиеся сегодня трудноразрешимыми, теряют свою остроту и актуальность”, - пишет азербайджанский коллега. А перспективы реализация проекта “Европы регионов” вместо “Европы национальных государств” применительно к Южному Кавказу устраняет практически все вопросы, по которым мы пока не находим решения.

С другой стороны, сегодняшняя Европа сама сталкивается с трудностями, которые вызывают “радостный

скептицизм” у некоторых наших соотечественников: мол, и у них все плохо! Однако это крайне неуместное самоуспокоение: может, попробуем дойти до того уровня терпимости и тех методов разрешения кризисов, которые существуют в ЕС, а потом будем думать о противостоянии новым вызовам вместе с другими членами европейской семьи?

И Мусабеков, и Григорян согласны, что сближение с НАТО - важный фактор для урегулирования, позволяющий снять страхи и перевести споры в цивилизованную плоскость. При этом Мусабеков предупреждает, что НАТО “не панацея от всех споров и острых противоречий между входящими в нее странами. Достаточно вспомнить такие конфликтующие пары среди стран-участниц блока, как Турция и Греция, Испания и Великобритания, Румыния и Венгрия”. Однако здесь, как и в случае с ЕС, противоречия удерживаются в политическом поле, не допускаются прямые военные столкновения. Кроме того, присутствие НАТО до минимума сокращает деструктивное влияние на ситуацию иных внешних факторов.

В отличие от большинства других государств, участвующих в урегулировании карабахского конфликта посредством упомянутых выше международных структур, непосредственные соседи - Россия, Турция, Иран, Грузия - обладают, естественно, и отдельными рычагами влияния на ситуацию.

При этом чаще всего упоминают Россию. Азербайджанские политики даже любят повторять, что ключи урегулирования находятся в руках Москвы. Армении традиционно приписывают пророссийскую ориентацию и делают вывод: Москве достаточно надавить на Ереван, и он отступит. Отсутствие же прогресса объясняют незаинтересованностью России покончить с конфликтами на постсоветском пространстве, поскольку они позволяют ей удерживать бывшую периферию в сфере своего влияния.

Однако реальность, думается, сложнее, чем эта традиционно озвучиваемая схема. Во-первых, за пророссийскую ориентацию часто выдается отсутствие ярко выраженных антироссийских настроений у армянской общности - явление, которое наблюдается в ряде постсоветских стран. (Хотя Москва иногда делает все, чтобы такие настроения появились и в Армении.) Во-вторых, под ориентацией Армении понимается наличие у России мощных рычагов экономического и политического давления на Армению, что совсем не обязательно с энтузиазмом воспринимается в Ереване. В-третьих, недооцениваются тенденции к сближению Армении с НАТО и ЕС. Если раньше действия Армении в рамках этих тенденций, как правило, согласовывались с Москвой, то теперь им присуща определенная самостоятельность.

Интересно, что в Азербайджане, с одной стороны, сетуют на привязанность Армении к России, а с другой - делают все для укрепления этого союза, максимально препятствуя участию соседа в программах международного сотрудничества и тем самым не оставляя ему выбора. Обладая большими возможностями для маневра, Баку стремится использовать свое преимущество, но добивается эффекта, которого вроде бы не желает.

Наконец, важно иметь в виду, что в Москве не очень то и представляют, какое решение конфликта отвечало бы ее интересам и за которое имело бы смысл взять на себя ответственность.

У двух других соседей - Ирана и Грузии, которые могли бы повлиять на ситуацию в силу исторической и культурной близости к конфликтующим сторонам - есть серьезные, сковывающие факторы. Для Грузии - это наличие собственных межэтнических конфликтов, исключая объективное посредничество. Для Ирана - геополитические противоречия с большинством других игроков, вовлеченных в процесс карабахского урегулирования. Вместе с тем в целом ряде частных аспектов обе

эти страны могут оказаться весьма полезными. В частности, Грузия играла и продолжает играть роль связующего звена в неофициальных контактах, диалоге между Арменией и Азербайджаном.

В отличие от трех других соседей, Турция обладает реальным потенциалом для непосредственного и эффективного изменения нынешней патовой ситуации. Более того, она в какой-то степени является стороной конфликта, применяя в отношении Армении достаточно суровые санкции. И сколько бы ни говорили о сложности собственно армяно-турецких отношений, основным мотивом этих санкций является поддержка Азербайджана в карабахском противостоянии. Следовательно, любой план урегулирования должен в той или иной форме включать определенные обязательства со стороны Анкары.

Никто, естественно, не требует, чтобы Турция перестала симпатизировать Азербайджану. Не будем также оппонировать сомнительному принципу "одна нация - два государства", декларируемому в Анкаре и Баку. Но если будет запущен процесс урегулирования, мы вправе ожидать, что западный сосед не останется пристрастным наблюдателем, и сам пойдет на конкретные шаги параллельно совершаемым армянами и азербайджанцами. На первом этапе это может быть открытие границ с Арменией и начало переговоров об установлении дипломатических отношений.

Гораздо глубже разбираясь в международных делах, имея опыт дипломатических компромиссов, Турция способна оказать влияние на Баку и послужить примером для Еревана, как можно развязывать самые тугие узлы. К сожалению, пока этого не происходит. Анкара, подобно азербайджанскому собрату, полагает, что ни к чему думать о компромиссе, когда посредством санкций, блокад, лоббирования своих интересов в международных кругах, посредством нефти и прочих стратегических ресурсов армян можно загнать в угол, поставить на коле-

ни. Однако, думается, развитие событий в последние годы ясно продемонстрировало, что такими методами можно добиться решения только части задачи, а именно: чтобы **армянам было хуже**. Но сделать положение армян **настолько плохим**, чтобы они приняли условия Азербайджана, ни Анкаре, ни Баку не под силу. Кроме того, и Ереван владеет, как известно, способами создавать головные боли заносчивым соседям и активно этим пользуется. В результате, вопрос с мертвой точки не сдвигается, никто ничего реально не выигрывает, и **хуже** становится всем.

Отсутствие прогресса на турецком направлении вызывает тем большее сожаление, что в целом страна эта меняется. Каким бы мучительным и противоречивым ни был процесс ее европеизации, он протекает быстрее, чем в Армении и Азербайджане. Армяне склонны расценивать реформы в Турции как хитрость, притворство с целью влезть в доверие Запада. У нас любят повторять, что пока “природа этой нации” не изменится, никакая “косметика” не поможет. Но если даже рассматривать более свободное отношение к армянской и курдской проблемам в прессе, литературе, образовательно-исследовательской сфере как конъюнктурное явление, нельзя не признать, что оно приобретает все более системный характер. А любая стойкая привычка рано или поздно становится частью натуры. Редко какой ребенок добровольно и без напоминаний чистит зубы, но редко какой взрослый, даже оказавшись в ситуации Робинзона, когда некому замечать нарушение им личной гигиены, откажется от этой процедуры.

Многие черты, которыми сегодня привлекательна Европа, закрепились через настойчивое навязывание. И то, что в сегодняшней Турции показывают “Арагат” Атома Эгояна и публикуют “Историю посла Моргентау”, говорит о многом. Обходить вопрос геноцида, когда речь заходит о какой-либо роли этой страны в вопросах, свя-

занных с Арменией, невозможно. К сожалению, спокойное, без эмоций отношение к собственной истории в Турции - это пока не свершившийся факт, а слабая тенденция. До сих пор сознание значительной части турецкой политической элиты находится под влиянием формулы одного из лидеров младотурков Талаата-паши: “Ненависть между турками и армянами сегодня настолько сильна, что мы должны с ними покончить. Если мы этого не сделаем, они спланируют свой реванш”. В XXI веке речь, разумеется, уже не идет об угрозе физического взаимоуничтожения, но жестокая дилемма “или мы их, или они нас” остается актуальной уже в новой интерпретации и переносится в том числе на ситуацию с карабахским конфликтом. Справедливости ради необходимо признать, что и в Армении немало людей, находящихся в плену той же дилеммы...

История не должна выступать в роли палача настоящего. Новые отношения должны строиться исходя из сегодняшних интересов и потребностей. Постигнув эту истину, будет легче разобраться и с прошлым. Возможность признания турками геноцида армян, на мой взгляд, станет реальной тогда, когда они перестанут воспринимать это как поражение, наказание, а армяне - как победу, реванш.

Чем ближе мы подойдем к подобному пониманию вещей, тем больше будет шансов, что ключевые игроки в регионе, международные усилия смогут способствовать карабахскому урегулированию. При этом, как уже неоднократно отмечалось, любые посредники и форматы способны обеспечить устойчивый мир и процветание только при наличии доброй воли самих конфликтующих сторон.